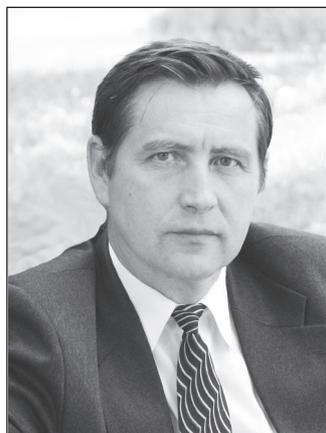


УДК 502.051+591.5  
ББК 20.18+28.68

## УРОКИ НИКОЛАЯ ДРОЗДОВА И ВАСИЛИЯ ПЕСКОВА



**Федоров Михаил Иванович,**  
адвокат, писатель  
(г. Воронеж)

**Аннотация.** В беседах с Михаилом Федоровым Николай Дроздов рассказывает о своем коллеге Василии Пескове.

**Ключевые слова:** Николай Дроздов, Василий Песков, передача «В мире животных», защита природы.

## LESSONS OF NIKOLAI DROZDOV AND VASILY PESKOV

**Fedorov M.I.,** lawyer, writer  
(Voronezh)

**Abstract.** En his talks with Mikhail Fedorov Nikolai Drozdov tells about his colleague Vasily Peskov.

**Key words:** Nikolai Drozdov, Vasily Peskov, TV Broadcast «Animal Wored», Environment Protection.

### Часть 1

#### Встреча в Доме журналиста

#### 1

Когда-то лет шесть назад я встретился с Николаем Николаевичем Дроздовым<sup>1</sup> в издательстве «Вече». У меня выходила книга о сестре милосердия, которая воевала в Абхазии. И вот тогда на мой вопрос: «А не посвятить ли книгу жене», Дроздов в своей привычной, очень дружелюбной манере ответил: «Конечно», после чего она и вышла с посвящением моей Танечке.

К своему стыду тогда я даже не поинтересовался, какая книга выходила у Николая Николаевича.

И вот через несколько лет вспомнил про него. А почему? Ушел из жизни Василий Песков, как всем было известно, они вместе вели передачу на телевидении «В мире животных». Только стоило где-то зазвучать музыке «Жаворонок» в исполнении оркестра Поля Мориа, как душу переполняло что-то восхитительное, теплое, доброе, и всё это так или иначе ассоциировалось с Дроздовым.

И вот нет-нет я и подумывал, а не встретиться ли с Николаем Николаевичем,

<sup>1</sup> Николай Николаевич Дроздов (род. 20 июня 1937 года, Москва), учёный-зоолог и зоогеограф, доктор биологических наук, кандидат географических наук, профессор МГУ, общественный деятель, теле- и радиоведущий. Член экспертного совета национальной премии «Хрустальный компас», член медиасовета Русского географического общества. С 1975 года являлся ведущим телепередачи «В мире животных».





*Дроздов и Федоров в редакции «Вече»*

узнал. Что-то сумбурно объяснял – я всегда так начинал говорить, когда волновался. И Николай Дроздов, что-то поняв, спросил:

– Про Василия Михайловича Пескова хотите узнать? Да я про него могу несколько часов рассказывать.

Теперь я уже просил о встрече.

Дроздов:

– Знаете, у меня завтра мероприятие в Доме журналиста. Приходите туда, я даже не знаю, найдем ли мы уголок, где приткнуться, но поговорим.

Я еще некоторое время выяснял, где этот дом, а Дроздов терпеливо объяснял:

– Это на «Арбатской». Выходите, и начинается Гоголевский бульвар. Так Вы идете не к памятнику Гоголя, а, наоборот, в переходик, и только выйдете, крайнее здание. Приходите, туда всех пускают.

Последнее прямо подкупило: не всюду пускали по нынешним временам.

Хотя я не очень все понял, но обещал непременно прийти.

Когда на следующий день приехал на

«Арбатскую» – это было 7 октября 2016 года, пятница – я некоторое время метался, не решаясь пойти в какую-нибудь сторону. Но вот каким-то чутьем тронулся: спустился в переход, прошел под проспектом, а выйдя, за заборчиком впереди увидел трехэтажный особняк с большими буквами «Дом журналиста».

Оказавшись в просторном холле, снял куртку и отдал в гардероб, а портфель решил не оставлять, спросил, где проходит «мероприятие» и направился туда, куда показали, – по фойе к лестнице, которую

околожили стены с картинами.

Я шел на громкие возгласы и хлопки. И вот из дверей в конце лестницы увидел зал с нарядно одетыми мужчинами и женщинами, а на сцене молодые парни пели частушки.

Прочитал на стенде:

«Международный телефон «Вместе»»



*Дом журналиста*

и это желание зрело – зрело, и вот в одном разговоре с редактором издательства «Вече» Федотовым Дмитрием я попросил его узнать номер телефона Дроздова.

Получив номер, я позвонил Николаю Дроздову. Уж очень знакомый, какой-то вкрадчивый голос Николая Николаевича сразу





*Публика в зале*



*Анна Шатилова и Николай Дроздов*

Парней сменили дамы. Некоторые даже в чалме.

«Мусульманки». Их непонятную речь переводил на русский импозантный переводчик.

Вот зазвучала торжественная музыка. До меня стало доходить: вручают призы журналистам, актерам, продюсерам, режиссерам за фильмы.

Но меня волновало: а здесь ли Николай Николаевич? А что если его уже наградили, и он ушел, что тогда.

И, оглядывая зал, успокоился только тогда, когда увидел Николая Дроздова на крайнем кресле за всем известной телеведущей Анной Шатиловой.

Теперь можно было ждать. Я поискал взглядом свободное место, чтобы сесть, и даже сел на одно из кресел, как меня вдруг поднял ставший передо мной столбом тоже достаточно известный журналист Александр Рогаткин. Все знали его по репортажам из горячих точек Донбасса, потом Сирии. Я даже не ожидал, что он такой большой, даже чрезмерно полный, с шеей, как у вола. Оказывается, пока он выходил на сцену за призом, я занял его место. Теперь стоял, прижавшись спиной к стене и опустив на пол портфель, а передо мной перемещались в разные стороны операторы с камерами, спеша снять те или иные моменты торжеств.

Я отмечал: на сцене девушка из Ирана, из Сербии.

Вот молодка:

– Сейчас, по прошествии двух лет после освобождения Крыма... Спасибо моей семье, а семья моя кинокомпания «Крым»...



*Александр Рогаткин на сцене*



Девушка вдруг заметила:

– Сегодня день рождения нашего Президента... Спасибо ему за спасение двух миллионов русских...

Ее слушали внимательно, но особых восторгов ее хвалы почему-то не вызвали. Сказывалось напряжение в стране после истории с возвращением Крыма и боевых действий в Сирии.

Стоять, подпирая спиной стенку, вскоре стало неудобно, и я сместился ближе к сцене, где прятался за операторами с камерами. Услышав в числе номинантов фильм о Врангеле, вспомнил одного из моих героев Вячеслава Новикова, который командовал 25-м Смоленским полком во врангелевской армии, и мне немного взгрустнулось: дождется ли Вячеслав Новиков фильма о нем.

## 2

Заговорили о фильме о разведчиках-нелегалах в годы Великой Отечественной войны.

И вот неожиданно оказавшийся на сцене директор военного музея подметил:

– Вот Николай Николаевич прячется... Мы с ним несколько проектов сделали и будем делать...

«Николая Николаевича хотят наградить?» – подумал я.

А директор продолжал:

– 7 октября 1941 года наши войска истекали кровью под Вязьмой. Москва готовилась к взрыву. Народ в панике. У нас в музее многое можно увидеть. Рейхстаг возведен в натуральную величину...

В зале раздался смех.

– Да, да...

Вот объявили:

– В номинации документальный фильм жюри присудило победу немецко-французской ленте «Засуха. Борьба за воду в Центральной Азии»... И фильму «Афон. Восхождение». Поздравляет Николай Николаевич Дроздов!

По узкому проходу между стеной и рядами бегущей походкой направился на сцену Николай Дроздов. Галстук у него болтался из стороны в сторону, он сжимал руки в локтях, как будто участвовал в кроссе.



*Николай Дроздов направляется на сцену*

– «За высокий профессионализм и бережное отношение к духовным скрепам Отечества, за документальный фильм «Афон. Восхождение»...» – читал диплом Дроздов.

Теперь я понял, зачем Николая Николаевича пригласили на форум.

Номинантом оказался Аркадий Мамонтов.

Такой же мощный мужчина, как Рогаткин.

Он подошел к микрофону:

– Всем мужчинам следует приехать на Афон. А женщинам – в Уранополис и оплечь священный уголок. Это счастливое место...

Когда Дроздов обнял Мамонтова, диктор объявил:

– Сейчас Николай Николаевич представит вам небольшой вокальный сюрприз.

Николай Дроздов вышел к микрофону:

– Меня кто-то из молодых журналистов спросил: «Николай Николаевич, в Вашем возрасте Вы не боитесь впасть в детство?» А я ему говорю: «А я из него и не выпадал».

В зале захлопали.





*Дроздов вручает приз Мамонтову*



*Дроздов на сцене*

Он заговорил о волновавшем его:

– Воспоминанию о Великой Отечественной войне. Был 9 мая на ВДНХ. Тысячи человек собрались в 9 вечера 9 мая. Не я считал, канал считал. Меня это очень тронуло. Любовь к старой песне военной.

Я догадался: «Пел Дроздов».

А он:

– Сейчас я записываю песни нашей Победы. Песни нашей страны. Из иного времени. «Широка страна моя родная...» Слова надо слушать. Голос у меня-то не ахти. А слова! Вот из той серии, но только послевоенные. А «День Победы» позже сочинили. А самые первые, которые Клавдия Шульженко пела. Помните, Клавдию Шульженко?

Понятно, почему женщины приезжали на передовую и пели песни. Мужские даже. От имени солдат. А почему? Взять бы мужчину, красавца. Вот он придет и споет на передовой. Он придет, споет и уедет. Солдаты: пошел бы с нами вместе на смертный бой. А на женщину смотрят, как на воспоминание о своей девушке... А тут приехал солдат обратно, его хату не сожгли. Он вернулся живой-здоровый. Руки-ноги на месте. Забор починил. Один. А больше не с кем поделиться воспоминаниями. Мужиков нет, разве что деды, – говорил Дроздов и вдруг запел:

«Майскими, короткими ночами,  
Отгремев, закончились бои.  
Где же вы теперь, друзья-однополчане,  
Боевые спутники мои?»

Я хожу в хороший час заката  
У сосновых новеньких ворот;  
Может, к нам сюда знакомого солдата  
Ветерок попутный занесёт.

Мы бы с ним припомним, как жили,  
Как теряли трудным вёрстам счёт.  
За победу мы б по полной осушили,  
За друзей добавили б ещё.



Если ты, случайно неженатый,  
Ты, дружок, нисколько не тужи,  
Здесь у нас в районе, песнями богатом,  
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,  
Чтобы было видно по всему:  
Здесь живёт семья российского героя,  
Грудью защитившего страну.

Майскими, короткими ночами,  
Отгремев, закончились бои.  
Где же вы теперь, друзья-однополчане,  
Боевые спутники мои?»

В зале захлопали, кто-то закричал «Браво!»  
Когда Николай Николаевич спустился со  
сцены, его стали обнимать. Вот Дроздов прошел  
вдоль стены и сел на прежнее место. Я хотел  
пройти следом и сесть рядом и заговорить,  
но его сразу окружили. Теперь я следил, не  
соберется ли он уходить.

3

Торжества продолжались, и можно было  
только удивиться разнообразию номинаций.  
Вот вспомнили причерноморский уголок.

– Бессарабия была Российской империей.  
Сейчас в школе рассказывают, что нет истории  
молдаван, – взволнованно говорила женщина-  
номинант в цветастом платье. – Все материалы  
к фильму взяты из румынских архивов...

Тут я заметил, что Николай Николаевич  
приподнялся и собирается выйти. Подхватил  
портфель с пола и устремился за ним.

Николай Николаевич спустился в холл.

Я нагнал его:

– Николай Николаевич, я насчет Пескова...

Мы хотели поговорить...

– Да-да-да... Так о ком мы хотели  
поговорить? – остановился Николай  
Николаевич, что-то припоминая.

– О Василии Михайловиче...

– Так внезапно...

Удивился моему неожиданному  
появлению.

А я что-то нервно пытался донести:

– У меня книга о Троепольском... –  
вытащил из портфеля том.

– Это Вы автор?



*Дроздов и Федоров*

– Да... – я листал страницы, показывая  
фото.

– Очень серьезное... А какое издательство?..

– Наше воронежское... Я хотел о Василии  
Михайловиче...

– Вы знаете, я очень занят... У меня еще  
два мероприятия... И надо вернуться...

– Так я подожду, как вернетесь...

– А Вам надо сегодня поговорить?

– Да, я же в Воронеж уеду...

– Так-так-так... Давайте, я наговорю на  
диктофон... Чего сейчас тут, когда я бегу...

– А завтра у Вас как? – я уже подумывал  
остаться.

Дроздов:

– Вы езжайте спокойно. Вы мне звоните, я  
нахожу время и целый час рассказываю Вам по  
телефону...

– А это ж из Воронежа... Я без штанов  
останусь, час говорить...

– А у Вас есть скайп?

– Есть, а у Вас?

– Нет, если Вы мне по скайпу позвоните...

– Все равно без штанов...

– А Вы можете с работы?

– Нет, это ж...

– Даже не знаю, как нам...

– А Вам звонить на сотовый или на  
домашний?

– Давайте Вам напишу...

Я извлек из кармана попавшийся под руку  
билет на поезд, и Дроздов на нем вывел семь цифр.  
Хотел тут же подарить книгу и протянул том.



Но Дроздов:

– Не надо, не надо.. Я не читаю таких книг... А зачем ставить на полку...

Книга впечатляла размерами, но у него самого в руках был пакет с уже подаренными ему томами, и мой как бы оказывался лишним.

Я напомнил историю, когда сфотографировался с ним в издательстве, но он не припомнил.

– Вы готовите книгу о Пескове? – еще раз спросил.

– Не говорю, что напишу, но дышу этой темой. А у Вас есть фотографии с Песковым?

– Есть одна, на субботнике...

– А можно Вам один вопрос о Пескове?

– Да зачем начинать, какие-то ошметки...

Я попросил повернувшегося паренька сфотографировать нас с Дроздовым и протянул ему фотоаппарат.

– Улыбайтесь! – потребовал Николай Дроздов.

– Да не могу... Профессия такая...

– Какая?

– Адвокат...

– Адвокат должен радоваться...

– Не очень-то на радуешься по нынешним временам...

– Все равно, в этом Ваша беда...

Нас сфотографировали. Потом Николай Николаевич дал интервью белорусской телекомпании, его попросила сфотографироваться с ее другом яркая блондинка, которая пела со сцены.

Я провожал Николая Дроздова, не желая расстаться с ним. Но понимая, что удержать его невозможно. Через год Дроздову исполнялось 80 лет, а он бегал, как мальчишка, набирал темп к юбилею и не давал себе ни минуты покоя.

Проводив Николая Николаевича, я вернулся в зал и еще поговорил с одним из фотографов, который снимал форум. Он представился Александром Иосифовичем.

А на мой вопрос:

– А Вы знали Пескова?

Ответил:

– Конечно. Я работал в молодежной газете украинской. И меня направили на стажировку в «Комсомолку». И вот тогда пообщался с Василием Михайловичем.

– В какие это годы?

– 76-ой или 77-ой...



*Дроздов уходит*

– А что-нибудь интересное узнали?

– Была такая штука. Я подошел: «Василий Михайлович, я здесь на стажировке. Вы бы мне рассказали...» Я с фотоаппаратом. Он говорит: «Старик, на хрен тебе это интервью надо. Мне это известности не прибавит, тебе имени не сделает. Я вижу у тебя фотоаппарат. Пойдем в лабораторию, я тебе покажу последние картинки...» И мы пошли в лабораторию, он стал показывать свои фотографии. Интересные. Воробьи перед зеркалом автомобильным зимой... А потом мы встречались эпизодически...

– Он как из себя?



*Александр Желуденко*



– Очень прост. Просто одевался...  
 – А чувствовалось, что лауреат Ленинской премии?  
 – Нет, – засмеялся. – Он раз выдал в «Комсомолке». На обед хотел пойти. И: «Ребята, одолжите мне рубль, лауреату Ленинской премии...»  
 – С юмором...  
 – Да, он такой.  
 Так закончился день 7 октября 2016 года.  
 На следующий день я уехал в Воронеж, так и не дозвонившись с утра Дроздову.

## Часть 2

Друг и учитель Николая Дроздова

## 1

В субботу 15 октября 2016 года я устроился поудобнее около телефона и набрал домашний номер Дроздова. Когда ответил женский голос, я спросил:

– А Николая Николаевича можно? Он мне дал этот номер телефона, чтобы я мог ему позвонить...

– Его нет...

– А когда можно позвонить?

– Ну, я не знаю, во сколько он придет. Он обычно вечером поздно приходит.

– А до которого часа можно позвонить?

– Часов до 11 звоните...

– ответила женщина, явно сдерживая раздражение.

– До одиннадцати? А может, утром или как?

– Утром можно позвонить...

– А во сколько, чтобы не разбудить...

– Ну, часов в девять можно звонить...

– Хорошо... Спасибо...

– Пожалуйста...

16 октября в 9 часов я снова набрал московский номер.

И сразу:

– Хочу Николая Николаевича услышать, он мне разрешил...

– Да-да, – раздалось каким-то бархатным мужским.

– О, Николай Николаевич, – узнал по голосу, – звоню, как Вы... Вчера звонил и мне разрешили в 9 позвонить...

– По поводу Пескова?

– Да, да...

– Вы москвич? В Москве живете?

– Нет-нет. Помните, мы встретились в Доме журналиста. Вы сказали: звони. И записали свой телефон...

– Ну, просто... Я подзабыл, где Вы живете...

– В Воронеже... На родине Пескова...

– Всё-всё, припоминаю... Не волнуйтесь и говорите тише. Связь хорошая, и я все слышу. И пишете книгу, Вы мне показывали...

– Собираем материал пока...

– О Пескове я могу часами рассказывать...

– Вот я и позвонил.

– Ну, конечно, я за раз все не расскажу.

– Ну, хоть чуть-чуть.

– Ну, пожалуйста, давайте начнем. У Вас что, диктофон есть?

– Сейчас, возьму. Давайте.

– Не дергайтесь, давайте спокойно...



*Коля Дроздов на руках у матери Надежды Павловны, слева – дед Сергей Иванович, справа – отец Николай Сергеевич с братом Сергеем, 1940 год*



Я включил диктофон, поставил около динамика.

– Василий Михайлович для меня, конечно, и старший друг был и учитель, поскольку мы с ним вместе делали одно общее дело: готовили передачи «В мире животных»... Обо всем этом я сейчас по порядку расскажу. Для всей нашей семьи, прежде всего для моей мамы, с которой я много лет делил кров, потому что папы в живых не было. Он ушел у меня очень рано, в 63-м году уже не стало моего отца. Ну, прошлого века, соответственно. И вот я с 63 года...

Я посмотрел на диктофон: на нем бегали полоски.

Значит, записывает. И успокоился.

Дроздов:

– Ну, тогда еще не так много знали о Василии Михайловиче. А его уже знали все читающие «Комсомольскую правду». Его заметки были там. Я не могу сказать, как папа относился к нему, он был очень занятой человек, преподавал в медицинском институте, был заведующим кафедрой. И, конечно, ему было не до газет. Мама моя врач-терапевт, конечно, уделяла много внимания и работе в 5-ой городской больнице города Москвы, но, конечно, «Комсомольская правда» была для нас любимой газетой, которую мы выписывали всегда. А мама, овдовев, дожила до 1993 года. И по сути с 63 по 92 год мне пришлось о ней заботиться, потому что она осталась вдовой, старший брат жил в другом месте, и у него была большая семья уже. А у меня был довольно длительный период, когда я жил вдвоем с мамой. Потом, даже когда мы создали семью мою, я уделял внимание и семье и продолжал жить под одной крышей с мамой, поскольку у нее в это время развивался остеоартрит. Сначала с палочкой еще на работу ходила. А в 70-е, 80-е она стала на костыли.

– Оё-ёй...

Я не мог и подумать, что Дроздов, которого мы еженедельно видели по телевизору, еще ухаживал за лежачей матерью.

– Да, в 70-х стала на костыли и двадцать лет ходила на костылях. Поэтому, даже не



*Василий Песков во всеоружии*

ходя на работу, она продолжала звонить, обзванивала всех, давала рекомендации, сама врач-терапевт. И в это время, уж конечно, для нее газета «Комсомольская правда», а телевизор с передачей «В мире животных», когда в ней появился Василий Михайлович, было ее любимым занятием смотреть Василия Михайловича по телевизору и читать его еженедельные статьи по субботам. Это было «Окно в природу». Раз в неделю появлялось то ли в субботу, то ли в воскресенье.

Дроздов говорил вкрадчивым, каким-то особо доверительным голосом, и это придавало дополнительную привлекательность разговору.

– Рубрика «Окно в природу», где Василий Михайлович помещал какую-то свою фотографию. Подглядел уникальное животное. Иногда даже брал какую-нибудь известную фотографию кого-то другого. Но комментировал ее по-своему, своим собственным наблюдением. Но чаще свои собственные фото. Он был замечательным фотографом. И всегда на нем как минимум два фотоаппарата висело, – произнес, от души смеясь.

– На случай если один окажется неисправен...

– Его вид: кожаная куртка, пестрая кепка. Не клетчатая, как у доктора Ватсона, а пестрая. Ну а если зима, то ушанка мощная. меховая. Такой образ создан и в передаче «В мире животных», когда появлялись его портреты. Но когда его портреты в «Комсомолке», они не



так запали в душу, а когда мы его в передаче стали живьем наблюдать, это сочетание газеты «Комсомольская правда» с «Окном в природу» и передачей «В мире животных», которую он вел, это породило к нему народную любовь, я не говорю славу, слава – это другое слово. Это герои... А вот любовь народная, он завоевал. Да даже не завоевал, а заслужил. Завоевывают, когда сами стараются. Он ничего не старался, только хотел как можно больше рассказать о природе. Сам ходил в лес. Ежедневно, по-моему, а по выходным уж обязательно путешествовал. Если недалеко уезжал, в командировку, под Москвой, он не сидел дома. У него тоже с семьей было... По сути семья у него была, а потом дочь ушла куда-то, отдельно жила, и он жил один. Поэтому всегда на природу, на природу! Навещать заповедники, беседовать с сотрудниками, узнавать, что тут нового, наблюдать за животными, за птицами, за зверями. Это для него было таким даже не увлечением, а образом жизни. Домой он приходил, у него в одной комнате спальня, я у него бывал дома на Верхней Масловке...

– Это около метро «Динамо».

– Да, у него двухкомнатная квартирка маленькая, в одной комнате он занимался, рукописи, в другой – спальня. Это его уголок отдыха. А работал как. Все завалено бумагами, рукописями, книгами, фотографиями. Работа кипела у него. Все, конечно, выплескивалось на кухне, на кухне он пил чай, принимал гостей, это чудесный уголок творческого человека. Ну и мы всей семьей, по сути нас осталось: мой брат, ветеринарный врач, он жил со своей женой – тоже ветеринарным врачом, в другом конце города, мы виделись регулярно, но кровя я делил со своей мамой, потому что ей нужен был уход. И за продуктами сходить, и помочь по дому. Но это были мои самые дорогие, трогательные годы жизни, когда мне приходилось за матерью ухаживать – дар такой!

Я молчал.

– Забота, труд, нет. Это дар Божий! Лет двадцать на костылях отходила. А последние пять лет своей жизни уже перешла на лежачий образ жизни. И вот эти двадцать лет мама с особым вниманием не пропускала статьи Пескова в газете, «Комсомолку» мы получали на дом, сейчас с подписками газет как-то странно... – засмеялся.

– У нас в Воронеже с газетами вообще труба... Свободную прессу выдавили.

– Ну, мы выписывали три газеты, могу точно сказать: «Вечерку», чтобы вечером было не скучно прочитать газету. А утром «Комсомолка» и «Медицинская газета». Для мамы «Медицинская газета» была руководством к совершенствованию. Из неё она узнавала, что там в медицине происходит. Это когда она на пенсию вышла из-за своего здоровья, а так бы она работала и работала. Она ушла из жизни в возрасте восьмидесяти семи лет, и, конечно, для женщины это не так уж и много лет. Но прожить двадцать лет на костылях, еще пять лет пролежать, смотреть телевизор, читать газеты, звонить подругам, друзьям, помогать в лечении всех их недугов, простуды, кому чего надо принять – все время активный образ жизни. И Вася Песков, я его Васей не называл, это сейчас иногда выговариваю, Василий Михайлович Песков, конечно, был таким стержнем радости жизни. Радости жизни, потому что она уже понимала, что на костылях, а он ездит, ходит – любоваться, слушать его для нее было жизненно поддерживающим стержнем. Она хранила все вырезки, где был Василий Михайлович. Вот такая толстая подшивка...

Я слушал Николая Николаевича, боясь, чтобы не оборвался рассказ.



*Николай Дроздов*

2

Дроздов:

– Мама сохраняла, сохраняла, а потом у меня было несколько переездов мощных, после



ее кончины поменял много мест жительства, в общем, никакого архива я не сохранил... Она вырезала, мы вместе с ней читали, обсуждали. Творчество Василия Михайловича в нашей семье было стержнем, хотя я и сам ездил на природу. Его увлечение было немножко другим. Я все время стремился поехать куда-то в пустыни, в горы полазить, что-то такое экзотическое, поэтому для меня Кавказ, все это в пределах нашей страны, у нас экзотики тоже хватало в границах Советского Союза. Представляете, там горы Таджикистана, Киргизии, Каракумы там, юг Туркмении там Кушка, эти сухие горы Копетдага. Это Закавказский заповедник Азербайджана. Ленкоранская низменность. Это ж все в пределах Советского Союза, сел да поехал. На поезде, на самолете. Я все в эти места старался, а у Василия Михайловича было, я бы сказал, русское сердце. У него душа собственно русская. У меня весь Советский Союз был моей страной. Вот как сейчас говорят о патриотизме. Путин говорит: патриотизм. Патриотизм и национализм – разные вещи. Принципиально разные. Вот национализму очень легко перейти в нацизм. Потому что, когда человек свою нацию, свою национальность только ценит и воспекает, потом начинает ее ставить выше остальных, и это плохо кончается. Националистические движения... А патриотизм – это любовь к Родине своей. Вот мы с Василием Михайловичем были, а я сейчас еще остаюсь, настоящими патриотами. Для нас понятие Родины и Отечества было и остается стержнем нашей жизни. Отечество и Родина – это такие два слова, которыми мы с Василием Михайловичем пользовались регулярно, имея в виду Отечество – это отец. Мать – Родина. То есть, по сути, Отечество и мать и отец. В обобщенном смысле. В этом отечестве я видел, как биолог, мне это интересно посмотреть, как живут животные в пустыни, на озерах Иссык-Куля, где-нибудь на Каспийском море, а он больше любил, собственно, даже больше не природу-экзотику, а наш русский быт, крестьянский. Отношения человека с природой, что меня как-то меньше интересовало. Но я проходил через деревню: «Ребята, привет-привет. Я в лес пошел». А Василий Михайлович приходил, у него даже передачи были «Крестьянский двор», «Домашние животные». Домашние животные собаки и кошки тоже интересно...

– «Паромщик». Помните, про паромщика писал...

– Конечно... Люди, общающиеся с природой, для него – работники заповедников, на конном заводе кто-то работает. Я, правда, тоже на конном заводе в детстве работал табунщиком. Меня отец посылал на конный завод. Мы жили-то не в городе, а в деревне, конный завод рядом был, и он меня вместо того, чтобы на каникулах просто бегать, отправлял табунщиком. А это был одиннадцать часов рабочий день. В пять утра табун выгоняешь и в десять пригоняешь. Маточный табун орловских рысаков на подмосковном конном заводе. Но тут, конечно, верховая езда, общение с лошадьми, а для Василия Михайловича и люди, работающие с лошадьми. Для него все это было так интересно, он все это описывал. То берешь интервью с биологами, которые работают глубоко в лесу, а ему этого мало. Он приходит к крестьянам: ну как вы тут? Крестьянский двор. Хотя колхозный строй. Там колхоз-совхоз, а он крестьянский двор. Понимал корень сельского хозяйства. Была целая серия передач «Крестьянский двор». В передаче «В мире животных». Как там лошади живут. Как коровки. С пастбища приходят. Как свинки, как куры. Проникал в суть взаимоотношений животных и человека. Не просто наблюдающий ученый, изучающий. А кто живет тут, и надо понимать, что домашние животные: кошки, собаки – одни охраняют, другие мышей ловят. А, извините, куры, коровы, свиньи, это все для «покушать». И мы понимаем, что когда-то и свинку зарежут, и корову отведут куда-то там, ну а пока коровка дает молоко, лошадь – это тягловое животное, и вообще, его не едят, но Василий Михайлович очень деликатно эту сторону обходил... Хотя коровку, свинку когда-то прирежут, но сейчас-то она такое милое животное. Крестьяне, конечно, ее когда-то съедят, но они сегодня «Уй, ты мой хороший поросеночек», почесать подбородочек. Он хрюкает, ляжет на бок, под мышкой почесать. Брюшко. Ну, довольный. Приятно же общаться. И не надо же: я тебя когда-нибудь зарежу. Всегда забывается это. И душевность общения с домашним животным даже тогда, когда его когда-то употребят в пищу, она есть и остается такой душевностью, которая помогает детей воспитывать: «Ну не обижай свинку, не бей



её. Давай почешу ее, погладь, что ты с ней...» Ребенка мать приучает. Это все в порядке вещей. Все это было у Василия Михайловича. То есть мы с ним патриоты, не националисты мы, не говорим о русском народе. Русский народ есть, а есть и российский народ. Советский. Раньше говорили: все, кто живет в Советском Союзе, это все наши, и не надо было придумывать, как сейчас «россияне». Мы русские, а все мы вместе с татарами, якутами, узбеками... Это все были советские люди. Советский Союз. Это было, конечно, хорошее объединение, которое давало возможность давать нам одно общее название «советский».

Я слушал, а сердце обливалось кровью: я ведь тоже был насквозь советский.

Дроздов:

– Вот американцы: Я американец. С такой еще гордостью: Я американец. И вешает национальный флаг. А мы говорили с гордостью: Я советский человек. И для нас это было обобщенно. Он же не говорит там: Я техасец. Ну, да ладно, оставим это в покое...

– Болезненная тема.

– Так вот Василий Михайлович был настоящий советский человек. Он им оставался всю свою жизнь. И для него это было качеством. И конечно то, что Вы знали о нем помимо телевидения, это мое вступление к моему описанию образа Пескова. Это «до». А потом будет рассказ, как мы с ним вместе

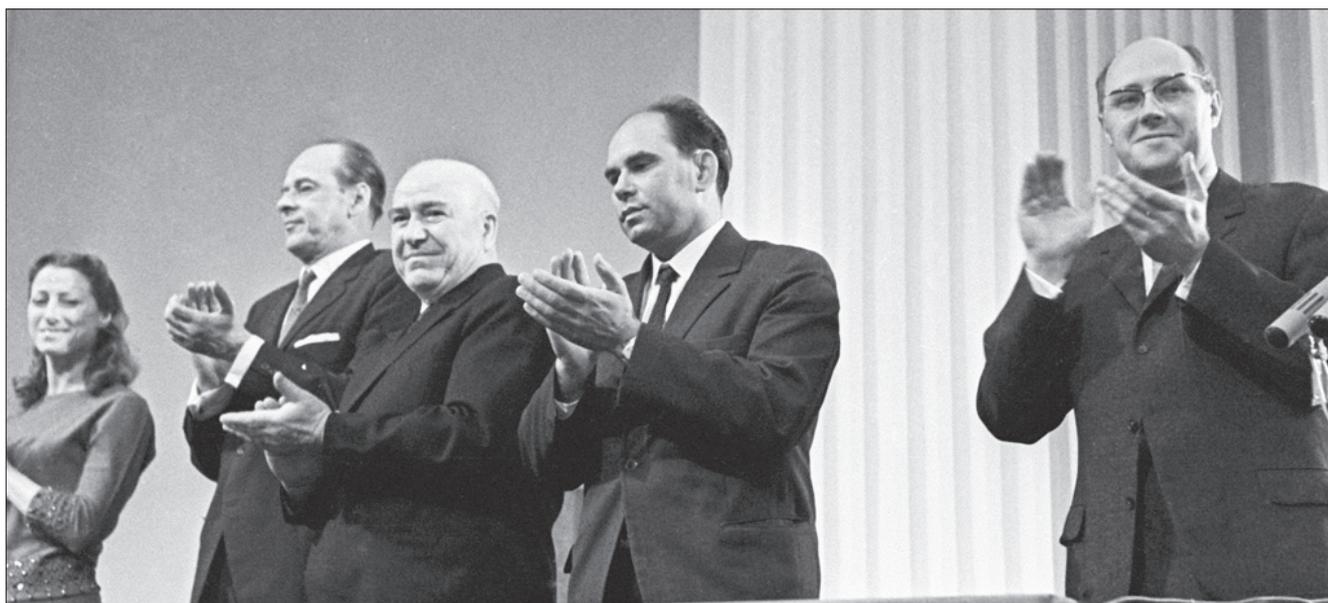
по очереди делали передачу на протяжении тринадцати лет. Мы еще разочек соберемся на эту тему. А пока вступление. Мы читаем газету «Окно в природу». Смотрим передачу «В мире животных». Я тоже ее смотрел тогда. С интересом. Особенно передачи, которые делал Песков. Свои не смотрел, это мама: то я не то сказал, то не так выразился, она прямо записывала все. Но Василия Михайловича она ничего не записывала, она просто приходила, слушала его и всё. Но меня же она продолжала воспитывать, – говорил, благодушно посмеиваясь, – чего это я.

– Сын...

– Да, какой бы ни был возраст, она делала замечания. А Василия Михайловича просто с радостью слушает. Я это рассказываю, как зритель, какие передачи он вел. Сейчас скажу точно, какие это были годы. А потом уже поговорим конкретно о сотрудничестве. Как он ведет ее. Он, как журналист, как собкор «Комсомольской правды». Он только так назывался: Я собкор «Комсомольской правды». Там кто-то: я журналист... А он: Я собкор «Комсомольской правды». Собственный корреспондент было для него самое высокое звание.

– Звучит!

– Остальное приходило, и самое главное, что он получил Ленинскую премию в журналистике. И насколько я знаю, это



*Лауреаты Ленинских премий Майя Плисецкая, Николай Черкасов, Александр Дейнека, Василий Песков и Мстислав Ростропович, 1964 год*



единственная Ленинская премия в области журналистики.

– Возможно...

– Сталинская премия была переименована в государственную. Згуриди<sup>2</sup>, основатель нашей передачи «В мире животных», был трижды лауреат Сталинских, но Ленинской не было. Создал фильмы замечательные. Так вот они стали потом называться государственными. А Ленинскую премию учредили выше Сталинской. Её вручали за особо-особые заслуги. Лауреатов Ленинской премии можно по пальцам пересчитать. Сейчас вот вспоминаю и не припомню, кто еще был в области журналистики. Ну, в области науки, литературы – понятно. Но в области журналистики – это единственный случай. Причем уже последние десятилетия своей жизни Василий Михайлович, ну лет двадцать, стал звать себя писателем-экологом. Когда у него появились мощные книги. Писатель-эколог. И он представлялся: писатель-эколог, собкор «Комсомольской правды». Но стал добавлять, что он все-таки писатель тоже, потому что стал членом Союза писателей. Сначала чувствовал себя журналистом: статьи, статьи, статьи, но потом, когда эти статьи он собрал в книги – две главные книги это «Отечество» и «Шаги по росе». Вот за них он получил Ленинскую премию.

По ходу рассказа Николай Николаевич с кем-то поздоровался «Доброе утро» и мне пояснил:

– Жена встала. Я-то делал зарядку.

3

И продолжил:

– Мы с ним выступали на каких-то конференциях, а наша передача даже сводила нас на конференции. И он как писатель-эколог. И вот эти книги «Отечество» и «Шаги по росе» произвели мощный фурор. Потому что, с одной стороны, это собраны журнальные статьи.

<sup>2</sup> Александр Михайлович Згуриди (1904 – 1998), советский и российский кинорежиссёр научно-популярного кино, сценарист, педагог. Народный артист СССР (1969). Лауреат трёх Сталинских премий второй степени (1941, 1946, 1950).



*Василий Песков с егерями*

Их настолько стержнем проходит жизнь о гордости за свою страну, гордости за своих людей, героев труда, творчества, искусства, все они вроде бы разные, но в исполнении Пескова они все становятся героями.

– Труженики.

– Он дает каждому из них, кто бы тот ни был, труженик поля, промышленности, писатель, военный, художник, певец или кто, но описывает его как героя. Это надо уметь в каждом лучшее увидеть, показать его ценность для своей страны, а в сумме это Отечество получается. И он, конечно, заслужил такого высочайшего звания Лауреат Ленинской премии. Причем он, в Антарктиде был. Он же ездил в такие дальние места, что я даже не знал. И вот подходит уже голосование, сидят в Москве, звонят, ну как там что. А он говорит: я приехал, а мне говорят.

– Не пробивал себе премию.

Уж я-то знал клоунов, которые из себя ничего не представляли, а награды получали.

– Чего не пробивал? – не понял меня Дроздов.

– Ну не кланчил, она сама к нему пришла – народная.

– Да-да. Но он, конечно, полагал, куда-то подали. Идет голосование. Поэтому, он и ахнул, когда приехал из командировки. До того, как я с ним встретился на передаче «В мире животных», это было значимым. Это продолжалось помимо его и моего общения с мамой, читавшей «Комсомолку». И уже шло с передачей «В мире животных». Его передачи в



отличие от моих были совершенно другими... На этом мы прервемся.

– Николай Николаевич, можно мне еще позвонить?

– Да, в среду. У меня в понедельник дела, во вторник запись.

Желая найти еще людей, с кем бы поговорить о Пескове, я спросил:

– А Вы упомянули своего брата-ветеринара. Он в здравии?

– Нет-нет, его уже нет. В 2002 году скончался.

– Мало людей осталось, кто знал Василия Михайловича...

– Ну конечно, конечно. Вокруг меня уже мало кто. Это когда у меня вторая семья, но я должен был ездить к маме, быть около нее. Там варил еду для мамы и привозил.

– И в это время Вы еще успевали готовить передачи?

– Конечно, а что делать...

– Но это же нагрузка сумасшедшая.

– Ну, я говорю, это Божий дар. За матерью ухаживать. Но было ощущение, что чего-то не доработал. Но надо за пожилыми, больными...

– Николай Николаевич, я думаю, неспроста Ваши папа и мама врачи. Это в Вас как-то выразилось?

– Конечно, отец – врач, мама – врач, бабушка... Брат – ветеринарный врач. Священники – тоже врачеватели душ человеческих.

– Эти корни Вы чувствовали в себе?

– Конечно.

– А как?

– Ну, подождите, Вы переводите на меня, давайте про Василия Михайловича.

– Но с Василием Михайловичем и получается созвучие: Вы же с ним как бы очень близки...

– С Василием Михайловичем, конечно. Созвучны. Я не понял вопрос.

– У Василия Михайловича отец железнодорожник, а мама крестьянка. Корни отца – очень значимы для Василия Михайловича.

– Ну, я думаю. Но родителей его я не знал. Мы с ним все время о природе, о животных, как-то он о своей семейной жизни не делился. Я вот не знаю, кто у него дочь.

– Она ушла раньше его...

– Но я их не знал, ни разу не встречал.

– Николай Николаевич, ну, а у Вас родители медики, сюда бы и сына... Врачевание бы...

– Но это имеет отношение и ко мне. Любовь к природе. Проявление её – тоже врачевание. А мой старший брат – ветеринарный врач, он же тоже любил животных, больше чем я на порядок. Потому что я любил наблюдать здоровых животных, изучать, а он больных животных брал, тоже их лечил, и это гораздо более конкретное отношение любви к животным. Больное животное – делаешь его здоровым. Это гораздо мощнее, если я считаю, что он любил животных больше, чем я.

– Он старше Вас или младше?

– На пять лет старше...

– Он на Вас влиял?

– Естественно. Мы очень дружили. Я бывал и в его клинике, и снимал передачи несколько раз.

– А он тоже Дроздов?

– Да, Сергей Николаевич.

– Николай Николаевич, большое спасибо. Если разрешите, я в среду позвоню.

– В это же время...

– Здоровья Вам.

– С Богом...

Я положил трубку. И сильно-сильно потянулся, расправляя затекшие после разговора члены, когда боялся пошевелить пальцем и помешать.

### Часть 3

Как делалась передача «В мире животных».  
Фильм «Рикки-Тикки-Тави»

#### 1

Как условились, 19 октября в 9 утра я позвонил в Москву. Мне женским голосом ответили, что Николай Николаевич разговаривает по телефону и попросили перезвонить через пять минут. Через шесть минут я снова набрал номер 849533417... и, как и прежде, напористо заговорил:

– ... Вы обещали рассказать, как делали передачу с Василием Михайловичем...

– Да-да, – ответил Николай Николаевич своим бархатным голосом. В его словах разве что не хватало «голубчик». И сказал, видимо,





*Александр Згуриди*

жене: «Танюш, положи трубку. Я сейчас дорасскажу про Пескова».

И мне:

– Ага, есть. Ну, вот значит про передачу. Это нечто. Чуть про передачу. Потому что это его детище тоже, но и детище нашего общего учителя и друга Александра Михайловича Згуриди.

Я слышал такую фамилию, еще участь во ВГИКе.

– Я сначала думал, что это грузинская фамилия, а оказалось греческая. Он родился в Саратове. Но это был наш талантливейший кинорежиссер, актер, который уже был в возрасте шестидесяти трех лет. В свое время он создал передачу «В мире животных». Такое зрелое изобретение. Дело в том, что до этого он снял около ста фильмов. Документальных, о живой природе. Начал еще снимать до Великой Отечественной войны, в начале 30-х годов. Поэтому к 60-му году за тридцать лет он накопил громадное количество натуралистических фильмов и на базе их создал передачу «В мире животных». У меня даже есть письмо к Председателю Гостелерадио СССР Лапину с объяснением, зачем и почему нужна эта передача со ссылкой, что подобные передачи есть во Франции и в Великобритании, имея в виду сэра Питера Скотта с его передачей, Жак-Ива Кусто... Собственно, нужна такая передача.

И мы ее утвердили, и 17 апреля 1968 года день рождения передачи «В мире животных», к которой Василий Михайлович подключился, как и я. Нас обоих привлек Александр Михайлович Згуриди в качестве выступающих. Мы стали буквально с этого года выступать в этой передаче. Встречались с ним в студии. Передача поначалу была студийной. Вели, и в то время еще не выезжали. Это передача была почти без записи, из такой первичной записи. Две камеры: одна на сидящих людей. Другая – на ведущего. Вот так: ведущий и собеседник. Вопросы задают, ответы. И фильм пускали. Отрывки из фильмов Згуриди, конечно, фильмов его коллег. Потом зарубежные фильмы пошли. Привлекали и Кусто, и других, и интересно было узнать, как что снималось, или дополнительно что-то из жизни животных. Это было интересно, все стали смотреть. А мы с Василием Михайловичем выступали в качестве собеседников, но оказались очень для нее удобными. У Василия Михайловича была простая манера, и мы хотели рассказать, о чем речь идет. И не задумываясь о том, как мы выглядим, и хорошо ли мы сидим, как мы одеты. Знаете, как многие сядут и начинают переживать: правильно ли он сел, хорошо ли он сказал, нам хочется рассказать о чем-то, о чем мы говорим, и мы погружены в эту тему. Нам не до того, чтобы смотреть. Все ли мы сказали, так ли. Говорим от души. Ну, это привлекло, конечно, Александра Михайловича, который тоже был такого типа человек, и у нас пошло такое сотрудничество. Ну, конечно, были ученые, которых он приглашал из разных институтов. Кстати, в этом году я защитил кандидатскую диссертацию и был довольно молодым кандидатом наук. В то время мне было тридцать один год, а ему шестьдесят три. Он на тридцать лет старше меня был. У нас повелось хорошее сотрудничество, мы начали так работать, и передачи шли по субботам в первой половине дня. И это шло так многие годы.

У меня словно стояла перед глазами заставка из передачи с летящими журавлями.

– И сначала были выступающими с Василием Михайловичем, пересекались, встречались. Ведь начинали еще до Останкино на Шаболовке. Был замечательный коллектив. В одной комнате встречались такие люди! Одна





Заставка передачи «В мире животных»

большая комната, и в ней редакции четырех передач. Василий Михайлович приходил из «Комсомолки», я из Московского университета. Мы, как в гости, приходили. Я уже преподавал в университете, да и сейчас преподаю. Но тогда я был только после защиты диссертации младшим научным сотрудником. А он уже при всех прочих его регалиях, он был собкор «Комсомольской правды». Сначала он начал в «Воронежской правде»...

– «Молодом коммунаре»...

– Ну, это он рассказывал. Вы лучше меня знаете эту историю.

– Какую?

– Иногда он чуть-чуть предается воспоминаниям. Воронеж. Речка Усманка. Воронежский заповедник. Бобры. Как киномехаником работал. То ли в деревне, или в самом Воронеже. Учился где-то в школе. Когда мы начинали заполнять какие-то бумаги, я пишу: образование высшее. И защитился. У меня аспирантура. А у него школа, какой-то техникум. И потом практическая деятельность, и все. Журналист. Очерки сначала в Воронеже. Потом в Москве. А когда графа: награды. Какие могут быть награды? Ты преподаешь в Московском университете и преподавай! Возраст тридцать с небольшим. А он говорит: «Ну ладно, Коленька». Он меня Коленькой называл. Покровительственно, очень хорошо. Но в то время разница у нас была большая. Какого он года рождения?

– Родился 14 марта 1930-го года.

– У нас семь лет разницы. Когда за семьдесят, тут разница не чувствуется, а когда одному тридцать один, а другому тридцать

восемь, почти сорок, это ощутимо. Но если брать время, когда он пришел на передачу, то 1975-ый. У него награды, ордена. Ну, государственных наград было много, и Вы лучше меня их знаете, но главное его достижение в смысле государственных наград и званий, это конечно лауреат Ленинской премии. Он искренне имел право этим гордиться. И мы гордились тем, что работаем с лауреатом Ленинской премии в области журналистики. Это было выше крыши, потому что Ленинскую премию получали небожители какие-то. В год государственных премий выдавалось несколько дюжин, а Ленинских – единицы. Мог быть год, когда вообще не выдавали Ленинскую премию. А в каком году он получил Ленинскую премию?

– В 1964 году.

– Это еще до того, как он стал вести передачу.

Туда он пришел с этим званием, и когда мы с ним заполняли очередную анкету, попросили нас, как участников, я там пишу кандидатская, аспирантура, а он – какая-то школа, техникум и собкор газеты, а потом награды: такой орден, лауреат Ленинской премии. А у меня к тому времени ничего такого и нет. И я его по имени и отчеству, а он меня Коленька. Как младшего брата. Очень трогательно. Все остальные по имени и отчеству в студии, а он: «Коленька, давай садись, посмотрим». Вместе мы отсматривали фильмы, которые поступают, а это я уже потом расскажу, когда он стал ведущим. А мы встречаемся в офисе – большой комнате, в которой сидят рядом редакторы. Четыре редакции «В мире животных»; «Клуб путешественников», еще до Юрия Синкевича там был Владимир Шнейдеров; «Очевидное и невероятное» Сергей Капица и Лев Николаев; и Ксения Маринина, а поначалу я еще застал Каплера, потом еще несколько человек там, и Ксения Маринина, постоянный редактор «Кинопанорамы».

– Самый цвет!

– Эти четыре могучие передачи, которые были основой тогдашнего просветительского телевидения. В одной комнате мы и с редакторами общаемся, и с выступающими,



это большая комната на двенадцатом этаже Останкино.

Я в Останкино побывал разве что раз – на передаче Андрея Малахова.

– Ну и Згуриди приходил туда. Он же был директором одного из творческих объединений «Центрнаучфильма». Так вот, он тоже приходил. Ведущие не были сотрудниками телевидения, они приходящие. И у каждого свои редакторы. У нас многолетним редактором был Алексей Кузьмич Макеев. Наш общий друг, он моложе меня был даже, к сожалению, сейчас тоже ушел из жизни. Я считаю безвременно. Ему было чуть больше семидесяти. Все считают, что в таком возрасте рано уходить. А ничего не поделаешь.

Слышно было, как Николай Николаевич глубоко повздыхал, а потом сказал:

– Судьба наша написана на скрижалях. Можно горевать по ком-то, но прошлого не исправишь. Ну и Василий Михайлович, тоже, конечно, до восьмидесяти дожил. В котором году он ушел из жизни?

– В 2013-м в возрасте 83 лет.

– Тут, конечно, недосмотр. Сердечная недостаточность, ею надо серьезно заниматься. Но опора на собственные силы, как он считал всегда: сам знаю, что со мной всегда происходит, так ведь, настоящий лесовик такой, каждую субботу на природу, каждое воскресенье по Подмоскovie побродить, свежий воздух, лес, поле, всё это хорошо, но кому-то надо было более внимательно следить за его здоровьем. И не упускать, так сказать, сердце. Но незадолго до этого мы виделись, когда он перестал вести передачу, но с нами периодически общался, мы в гостях у него бывали, на передачи затягивали как выступающего.

2

Дроздов продолжал:

– Но главный период. Мы с Александром Михайловичем Згуриди собрались в поездку. Он стал брать меня помощником в свои экспедиции. Сначала в 1971 году взял меня в киноэкспедицию в Африку, где он снимал фильм «Дикая жизнь Гондваны». Гондвана – это древнее название материка, который был на месте Африки. Когда еще материки разъезжались. Вот Гондвана – это самый

древний, самый стабильный материк земного шара. Остальные все поползли в разные стороны. А Африка как стояла на месте, так и стоит. Мы были в Танзании, в Уганде, снимали в разных заповедниках. Згуриди знал английский не очень бойко, поэтому меня приглашал, чтобы я переводил. Я уже в это время неплохо говорил по-английски. И ему легче было со мною вместе на общении, переговорах. Он так умел договариваться с людьми, что нам давали разрешение снимать, ездить помимо туристических дорог в заповедники, он так располагал к себе местные власти и руководителей заповедников. Многие знали его историю, он всегда представлял биографию, сколько фильмов снял, где, в каких странах побывал, что челюсть отвисала. И вот в 68-м начал «В мире животных», а потом дважды уезжал на съемки, но не нарушил график передач.

– А как это?

– В промежутках мы сумели, были и каникулярные месяцы, выезжали на три-четыре недели, там снимали. Потом мы опять ездили. А в 1975 году он задумал снять художественный фильм с использованием животных. Это «Рикки-Тикки-Тави». По повести Редьярда Киплинга. Мангуста Рикки-Тикки-Тави. Кобра Найна, муж ее Наг. Англичане на какой-то ферме живут. Муж с женой, и у них мальчик. И эти кобры решают, что надо убить хозяев и на этой ферме зажить, чтобы людей не было. И мангуст подслушал их разговор: нет, не дам им убить, и начинается между ними война. Он же не боится яда кобры. Он сначала уговаривает Нага и Нагайну, чтобы не лезли к людям, а когда уже в ванну пробрался Наг и подстерегает, тут уж он... Находит кладку яиц и с одним появляется перед коброй, которая приготовилась к броску на мальчика, и ей: «Если ты сейчас нападешь, я порву это яйцо, и у тебя не будет потомства...» Эти разговоры надо передать. Артисты Баталов Алексей, Терехова. Это в Индии происходит. Мы выезжали туда на два месяца – в Индию – декабрь и январь. Это самое терпимое время, жары нету. А в июне там жара совершенно безумная. И вот мы уехали на два месяца, и надо было передать ведение передачи. Ну, естественно, выбор Александра Михайловича пал на Василия Михайловича Пескова. Вот, с декабря 1974 года, с начала





*Згуриди и Дроздов (сзади) с местными жителями*

75 года стал вести Василий Михайлович. А я с Згуриди уехал на съемки. Я помогал ему со зверями: кобры, мангусты, куда как, кому чего. Он меня в Африку брал тоже за этим. Чтобы я слонов повернул в нужную сторону. Носорога подозвал. Я был очень полезен. Я животных не очень боюсь, могу выйти из машины и за собой увлечь бегущего носорога. Слонов покричать, поманить. И вот это он все использовал – меня-то в кадре не было, в кадре мы только с местными жителями встречаемся: это племя масаи.

Меня поражали способности и возможности Николая Николаевича.



*Василий Песков ведет передачу «В мире животных»*

Дроздов:

– Снимались с масаями, и тут он говорит мне по-русски: скажи им то-то, то-то и то-то. Что эти должны пойти туда, те – сюда. А эти должны стоять на месте. Ну, такая групповая съемочка. Племя куда, как движется. Передаю нашему сопровождающему, который знает английский язык. Тот на языке каком-то суахили передает вождю масаев, который знает суахили. Это общий язык Восточной Африки. А тот на своем масаевском переводит еще тем, кто стоит. Згуриди: «Съемка!» И они все начинают двигаться. Но явно не туда, куда я им говорил. Он кричит: «Николай Николаевич, что они не туда идут!» – «Я им так сказал». Пока эти три-четыре перевода пройдут.

Это зрелище. Он кричит: «Стоп! Куда?! Я же просил туда, а не сюда!» С третьего раза они выполнили задумку Згуриди. Потом смеялись все. Съемки, ну так, между делом. А Василий Михайлович взялся вести передачу, и у него пошло хорошо. И вот он два месяца вел.

– Нагрузочка.

– Приезжаем обратно, Василий Михайлович: «Александр Михайлович, давайте, опять беритесь». А мы приехали, а материалу. Мы даже привезли сюда в Москву – ну, не успели многого снять – шесть мангустов, семь кобр для досъемок животных. Ну, Терехова и Баталов здесь, уже вернулись с нами (Снимались в фильме «Рикки-Тикки-Тави»). С ними тоже досъемки. Фильм получился большой, полнометражный художественный фильм с участием этих змей, и, в общем, опасных этих съемок. Там сидит мальчик, как бы сын Баталова и Тереховой, лет двенадцати. Из посольства взяли мальчишку английского типа внешностью. Блондинчика. Сажаем его в кресло, он спит в кресле, а в двух шагах от него стоит кобра и уже готовится его тяпнуть за босу ногу. А я тут же за кадром лежу на земле, готовый броситься, так сказать с низкого старта, если она потянется ближе к нему, чтобы оттащить. А рядом еще



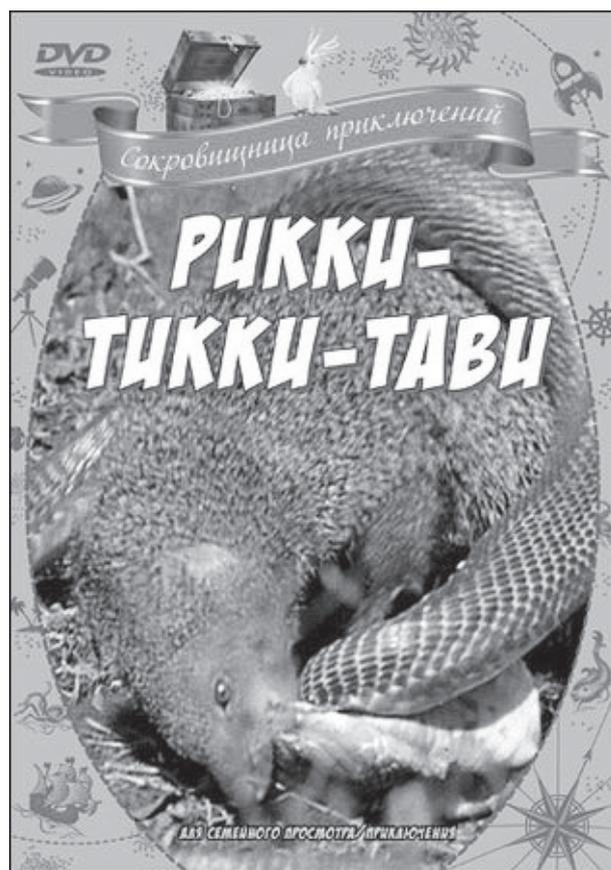
выпустили мангусту, и ещё чтобы при этом они «разговаривали» около этого «спящего» мальчика. И чтобы никто никого не укусил. Ну, вообще. И надо еще так снять, чтобы было видно, что мангуст что-то говорит кобре, она на него оглядывается, это так интересно. Но все сделали, а надо досьемки делать. Згуриди говорит: «Василий Михайлович, ну, столько нагрузки, столько сейчас нужно делать, ну, проведите еще немножечко передачу». Участие для Згуриди в передаче оказалось сверх возможности. Песков: «Ну ладно, поведу». И Згуриди погружается в досьемки всех этих мангуст и кобр, думает, куда их девать. А привезли мангуст и кобр, и ухаживает за ними индийский укротитель кобр. Факир Абу. Индиец, но мусульманин. Он сюда приехал и его с кобрами и мангустами расселить надо. А у них база в Петушках «Центрнаучфильм». Это шестьдесят километров от Москвы. Оттуда возить на съемки невозможно. Ни одна гостиница не берет, естественно, человека с кобрами.

– Не слабо, на этаже гостиницы увидеть кобру...

– Згуриди: «Николай Николаевич, может, в одну комнатку. У Вас же родные уехали на дачу на лето. Пару месяцев можете пожить с этими “индусами”» – «Да давайте». И вот все эти шесть кобр и семь мангуст заезжают ко мне в одну комнату, где мы с женой обычно живем. Но они на даче с дочкой. И Абу. А я в другой комнате. Так живем. Каждое утро с Орехово-Борисово приезжает «Чайка». Во двор заезжает, из окон смотрят – «Чайка». Представляете? Возит правительство. А это служебная «Чайка» «Центрнаучфильм», возить клетки. Индус с клетками – мангустами и змеями спускается. И «Чайка» уезжает на съемки. Вечером приезжает. Это был период тот еще. Ну, эти приключения я отдельно описал, ну ладно. Там еще с Абу было приключение. Он стал у меня выпивать. Он же не пьющий.

– Мусульманин.

– А тут приходили соседи: «Покажи змею». Я ухожу на работу, а он там сидит. Ждет – дни несъемочные. Приходишь, соседи в гостях, а он подвыпивший кобр достает. Я соседям: что б еще! Ну, в общем, скандал был. Я ему: «Ты что, ты ж мусульманин!» Он мне потом рассказывал, что и там выпивал немножко.



Фильм «Рикки-Тикки-Тави»

В Индии. У них для мусульманина это такой грех. И он говорит: один раз я пришел пьяный, и моя жена облила себя бензином и хотела себя поджечь. Бегала, спички искала. Он еще бегал за ней, отнимал спички, не давал ей чиркнуть. Чиркнула, запылала бы как факел. Ну, не бензин, керосин лампочный. Ну, это у них принято так реагировать. Я иногда, когда рассказывал в наших аудиториях, я говорю: вот женщины, вот учтите, если муж пьяница, вот прекрасный способ заставить бросить пить. Вы схватите спички, а он будет бегать отнимать. Какая-то женщина: а если не будет бегать?

Мы засмеялись.

– Ну, это, конечно, не способ. Это в индийском обществе можно так уговорить мужа не пить.

3

Николай Николаевич:

– Здесь они прожили. А Василий Михайлович уже втянулся в передачу. Ну а я, как и раньше, появлялся у него там раз в месяц. Или через, может, даже пореже. Те





*Василий Песков с хищниками*

же ученые. Но общий состав ученых Сергей Константинович Клумов, Николай Павлович Наумов, все профессора. Из Московского университета. Мои учителя. Все они возраста Згуриди. Маститые учителя. И я попал в эту когорту, потому что мой учитель еще в 1968 году рекомендовал меня Згуриди. Он говорил: «Мне сейчас некогда. Вот мой ученик только что защитился. Берите его в выступающие». Василий Михайлович начал вести передачу в 75 году. Нагрузочка для него. В газете еще... А Згуриди погрузился в очередные фильмы, проекты. И всё, больше не возвращался к передаче. Иногда мне удавалось заехать к нему и взять интервью для передачи. В его квартире. Рассказать о его новых фильмах, показать какие-то кадры. Он работал потрясающе и ушел из жизни в 1998 году в возрасте 94 лет. Потрясающее долгожительство для человека, ведущего такой сумасшедший по активности образ жизни. Когда он поточнее ушел из жизни?

– В энциклопедии написано, 16 сентября. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Камень лежит, как и у Пескова, где его прах развеяли.

– Да, на Новодевичьем. Выдающийся человек. Но вел передачу с 1968 по 1975 год. Семь лет. Потом с 75 по 77 Василий Михайлович ведет один эту передачу. А я продолжаю к нему приходить выступающим. Тут мы уже знакомимся с Василием Михайловичем больше. И вот в 77 году он застонал: «Коленька, тяжело мне одному. Давай попробуем по

очереди». Ну, надо было получать благословение Лапина Сергея Георгиевича, председателя нашего Гостелерадио. Он ему позвонил и сказал: меня привлек Згуриди. Но мне одному тяжело с газетой, со всем. Но столько лет тут выступает, у него так все получается, можно мы вдвоем будем? Лапин: Давай. И мы стали вести с ним вдвоем. По очереди очень четко: одну я, одну он. И тогда мы начали отсматривать поступающие фильмы. Алексей Кузьмич Макеев, наш общий редактор, звал нас каждую неделю посмотреть новые фильмы. Поэтому минимум раз в неделю мы встречались на просмотре поступивших новых

фильмов. И выбирали, кому что нравится. Какой фильм. Песков выбирал больше фильмы о России, о природе, я больше любил тропическую экзотику. Я интересовался всегда пустынями, как экосистемами. Для меня это был не зарубеж, это наши пустыни. Каракумы, Кызылкумы, все это был Советский Союз. Азербайджан – там тоже полупустыни. Я туда ездил. И мне хотелось уже дальше ездить куда-нибудь в Африку. Особенно после поездок с Згуриди в Гондвану. А у Василия Михайловича всегда сердце лежало к российской природе. Естественно, его и называли патриотом, а меня космополитом. Мне хотелось посмотреть всякие экзотические места в мире. Но иногда ему нравились и зарубежные фильмы. Вот, я помню, он как гепарда увидел, говорит: «Коль, какой красивый. Давай я возьму этот фильм» – «Ну, конечно».

Любой мужчина полюбит сильное красивое животное.

– Я всегда ему уступал: Василий Михайлович, о чем речь. Для меня он друг. Згуриди был у меня учитель, дружить со Згуриди было как-то. Он очень хорошо ко мне относился. Я и дома у него бывал. И отзывы на сценарии писал. Но это все-таки учитель, а это друг и учитель. Всегда домой к себе приглашал в квартиру на Масловку. Так трогательно, только я не помню, то ли второй этаж, то ли третий.



– Я все внука прошу показать мне квартиру, но он никак: мол, там все в прежнем беспорядке.

– Вот видите, мы настолько подружились, что я все черты характера его изучил: и любовь к природе, и любовь к животным, но не какая-то сусальная, а он интересовался и наблюдением за поведением животных, съемки чтобы были хорошие, чтобы снять, он все-таки был фотограф. Видео его привлекало, а он еще увидит какого-нибудь птенца, он его будет снимать и так и сяк, особенно это раздражает иногда операторов. Они пришли фильм снимать, а он: ребята, ребята. Пока я не сниму хороший кадр, отстаньте. Операторы: а-а-а. Нервничают, когда он закончит. Но зато выходили его «Окно в природу» с его текстом, его фото. Ну, он пишет же. Когда читаешь, испытываешь наслаждение. У него народный язык. Из Воронежа привез и пользовался всю жизнь. Его две книги «Шаги по росе» и «Отечество» уникальные. Пока мы с ним вели передачи, прошло тринадцать лет.

– Ого!

– С января 1975, а если быть точнее, с декабря 1974. Мы же в декабре уезжали, и он должен был вести передачу. В самом начале 77-го года меня уговорил стать ведущим. Я помню, 17 апреля 1968 года первая передача Згуриди, я к нему в декабре подключился. Тут у Згуриди появилось желание поехать в Африку, а в 70-м мы поехали. Ну, уж Вы с моими сумбурными пояснениями разберетесь.

– Конечно.

– Потом ненужное повыкиньте, а что останется... И начали мы с Песковым в начале 77-го и 77,78,79 и до 90-го года. В 1990-м году Василий Михайлович с передачи «В мире животных» ушел. Вот тут мы стали реже встречаться. Но тринадцать лет мы еженедельно практически встречались. Иногда через неделю, дважды в месяц. Не просто здрасьте – до свидания, а сидели и совместно отсматривали

фильмы. Но сама запись, я к нему не ходил. Он ко мне не ходил. У нас гости разные. У меня свои гости. У него – свои. Но, что интересно. У нас менялись главные редакторы научно-популярных и просветительских программ. Очень большой период была главным редактором Жанна Петровна Фомина. Очень активная женщина. Она что сделала? Говорит: появились подвижные камеры. Те, которые на плечах носят операторы. Раньше камеры были тяжелые, еле едут, их тащат. Ставят на треноги. А тут стали с плеча снимать. Можно и на треногу ставить, и с плеча, но более подвижные, переносные. Магнитофоны переносные. Звукооператор тоже стал подвижным. И хватит сидеть в студии. Идите прямо на природу. И мы с Песковым как раз любим путешествовать, выходили на природу даже в выходные дни с удовольствием. Сенкевич так и продолжал в студии работать (передача «Клуб путешественников»). Ездил иногда, но мало. Не так, как мы. А нам студия вообще не нужна. Куда бы ни приехали, прямо в кадре становимся, в горах. В Турцию, на Канары приезжаем, становимся в кадре: «Начинаем передачу “В мире животных”». И завершение там же: «На этом наша передача закончена. До новых встреч». И, начиная от Камчатки, Туркмении, гор Кавказа, Сахалин, Якутия, Белое море... Ну куда только не ездили. Беловежская пуца – это ж всё Советский Союз был.



Владимир Галушин и Василий Песков



У меня в который раз поднялось на душе: я родился в Советском Союзе и ездил по нему из края в край, жалко только, что не так часто и так всеобъемлюще, как ведущие передачи «В мире животных».

– Мы и за рубеж выезжали. У нас заставочка с железными коваными воротцами. Мне их отдали. И мы вышли на природу. Жанна Петровна: ребята, идите на природу. Вы же любите. Операторы, ничего, донесут свои камеры, магнитофоны. Этот период вдохновил нас. Стали много включать кусков из фильмов из-за рубежа. И если мы ездим по Союзу, то вставляем – и из заграницы. Передача была целый час. Потом стала уменьшаться, и не потому, что становилась хуже, а потому, что темп нарастает, жизнь ускоряется.

– Согласен.

– И количество времени, отпускаемого на передачу, – час, потом пятьдесят две минуты, пятьдесят. Сорок пять, тридцать пять. Сейчас она получасовая. Она продолжает существовать. Многие встречают меня: Ой, какая была передача. Мы выросли на ней. Это трогательно слышать, но это те самые времена, когда с Згуриди и Песковым делали эту передачу. И только с 90-го снова вернулись в студию. Для телевизионщиков это более удобно.

– Менее затратно.

– Да, менее затратно. И для них более удобно с их спецэффектами. Камера наезжает. Мотается там какой-нибудь кран. Подъезжает. Зависает над тобой. По мне это...

– Воздуха мало!

– Ну, ладно, воздуха, но природы-то нет. А самим режиссерам, продюсерам нравится, где они соревнуются. У кого богаче студия, у кого круче техника... Бог им судья, не будем осуждать. Это тенденция. Тенденцию никуда не денешь, правда?

– Да, не осилишь.

Мы продолжали беседу.

#### Часть 4

Очерки Пескова «Зимовка», «Урок» и документальная повесть «Таежный тупик»

#### 1

В этот же день Дроздов рассказал об очерках Василия Пескова.

– Василий Михайлович возвращения в эти красочные студии не застал. Но я думаю, он об этом и не жалел. По крайней мере, до 90 года это общение было настолько плотным, в это время в его жизни происходили интереснейшие, знаковые события, он делился все время со мной и Лешей Макеевым, общение в редакции, в просмотровом зале. Домой-то к нему заходили изредка по каким-либо поводам. Ну, вот, сначала это была зимовка. Это письмо с разворотом по поводу зимовки в Антарктиде. Когда у полярников было два генератора. Как поняли потом, главная ошибка заключалась в том, что поставили их в одно помещение. Нет, чтобы по отдельности разнести. И в самом начале зимовки, когда самолеты уже не прилетали, – самолет не может на зимовку прилететь в глубинную станцию, не на берегу, а на куполе. У нас было таких несколько станций. И вот на одной такой станции во время начала зимовки загорелся один генератор, и сгорели оба.

– Зацепило огнем?

– В одном помещении были. И народ остался с дизельным топливом, без генератора. Они сгрудились в какое-то одно помещение, жгли дизельное топливо в виде костерка, приспособились, грелись около него, и прожили зиму!

– Ничего себе!

– Сумасшедшие условия. А там минус восемьдесят, минус шестьдесят! Какой-то кошмар. И вот это вся зимовка прошла, а Василий Михайлович, я даже не помню, был он до того в Антарктиде, может, приезжал, я тоже приезжал туда тамошним летом, это январь месяц. Приезжаешь туда, снег лежит, солнышко выходит. Оно же там если выходит, то не заходит. Высокие широты. Греет более-менее, даже подтаивает. Ну, конечно, основной снег на куполе-то лежит. А зимой – это что-то страшное. В этой ночи остались люди и выжили. Когда наконец-то до них дошла весна, за ними послали корабль, пусть везет домой. И главный редактор говорит: «Василий Михайлович, вот они приедут в Одессу, напишите про них что-нибудь. Как и что у них было». Василий Михайлович: «Нет, мне надо не в Одессе их встречать. На корабле ехать с ними вместе и брать интервью». – «Ну а как?» – «А они вот сейчас подъедут к Канарским островам, дайте мне командировку на Канары.



Я там с ними сяду на корабль и расспрошу их. Потому что, если они приедут в Одессу (это он нам рассказывал), они разъедутся по семьям. Где я с ними поговорю? А сейчас, пока они едут полные впечатлений о пережитом, я в каюту к каждому зайду, с каждым поговорю, все узнаю». Внутреннюю структуру всех переживаний. И поймет, что там происходило. А где он будет их ловить в Одессе. Разбегутся тут же, объятия жены, дети. И вот он уговорил главного редактора, хотя он: ну, там расходы на поездку, на Канары – недовольный. Василий Михайлович полетел на Канары. Сел на этот корабль, побеседовал с ними, пока они доплыли до Одессы. Неделю с лишним. И у него такой очерк получился! Помните, у него в газете бывали. Это «Окно в природу», а тут очерк «Зимовка» на две полные страницы «Комсомолки». О, это такое было событие! И даже чуть ли ни в нескольких номерах газеты. Такая история жуткая. Настолько там героизм людей. Промахи бывают, конечно, был промах, что два генератора вместе поставили, но пережить такую беду и остаться людьми и сидеть в этом помещении всю зиму, когда за спиной минус сколько! За спиной стенка – а за ней минус шестьдесят! А впереди горит огонечек, ты руки-ноги греешь, и выйти за надобностью, и не отчаяться, не озвереть, это уже... Да ужас! И он все это описывает, как они все это пережили. Но духом не упали и выдержали всё. Я бы сказал – это тоже дух нашего советского человека. А в условиях

так называемого либерализма, толерантности и всего прочего, когда люди опускаются до того, что только каждому свое, каждому свое, то что общая беда... Думаю, наш советский человек был подготовлен к такому, и он это показал...

– Выжили сообще!

Дроздов:

– Потом очерк о Берберовых «Урок».

Полоса в газете. Это тоже происходило, когда мы вместе работали. Лев Кинг. Была семья Берберовых в Баку, завела льва и держала в квартире. Он у них слушался. Слушался хозяина. И его привезли в Москву, и его выпустили гулять во двор. Какой-то прохожий проходил, а лев любил играть с хозяином. Подбегает, прыгает ему на плечи, толкает на землю, играет, и он также незнакомого человека увидел – а Берберовы почему-то потеряли бдительность, выпустили его – он бежит к человеку поиграть, валит его на землю, мимо милиционер проходит и это видит, что лев напал на человека. Он достаёт сразу, как это называется?

– Табельное оружие.

– Да, табельное... Стреляет и убивает льва.

– Одним-двумя выстрелами?

– Что-то сразу его уложил. Спасать человека надо.

– Угроза жизни.

– Тут выскакивает хозяин: Боже ты мой! Моего льва убили!

– А ему: смотри, твою мать, куда ты пускаешь. На улицу...

– Ещё бы!

– Ну, милиционера сначала чуть не засудили: любимого льва убил! Но отстояли милиционера, он свой долг выполнил совершенно правильно.

– А как же иначе...

– И вот Берберовы завели второго льва Кинга Два. Все в Баку продолжают ездить.



Лев Кинг в семье Берберовых, 1971 год



История длинная. Возились с Кингом Два, возились. Завели еще пуму в квартире.

– Ого!

– Да, два крупных хищника в квартире. Они говорят: ну мало ли, вон Джой Адамсон, кто-то еще имеет в Африке. Помните «Рожденная свободной» о жизни львов. И «Пиппа бросает вызов» – гепардов. Англичане живут в коттедже на границе заповедника, и они там держат этих хищников. Их немножко приручают, потом выпускают обратно, каких-то сироток подбирают, но это же на границе заповедника, в коттедже! А не в квартире в городе. Так ведь? Понимаете разницу? То на природе, а тут еще во дворе бегают.

– Где люди ходят.

– А они говорят: ну и что? Никому не опасно.

И вот там в Баку умирает Берберов хозяин. Перенапрягался, получил инфаркт и бедный умер. И осталась эта бедная женщина-хозяйка одна... Василий Михайлович написал очерк «Урок». Нельзя заводить крупных животных в домашних условиях в городе. Этого нельзя было делать! Один раз уже вот сам лев погиб. Кинг Первый. А второй раз – пума... Они же даже в этой теснотище, в квартире, понимают: лидер. Главварь стаи кто? Муж. Так?

– Да.

– Глава прайда. Чуть что, как ляпнет по башке! Условно. И они вели себя прилично. И вдруг он умирает – нету хозяина... А эта женщина думает, что она хозяйка. У нас-то понимают, что хозяйка порой важнее мужа...

– Да, это у нас, но не у зверей...

– Командует. Она грудь вперед и вдруг начинает командовать этими животными. Что они делают? Эта пума нападает на нее, снимает с нее скальп, правда не убивает. И потом убивает ребенка. Мальчика, школьника маленького. А девочка постарше в это время в школе была, жива осталась. Погибает ребенок. Ну, этих диких животных сразу забирают, не знаю, что с ними делают. И туда поехал Песков на этом сложнейшем примере, вроде любви к животным, всё там он показывает: ну, ребята, нельзя таких вещей делать, ну нельзя. Нельзя держать крупных хищников и показывать, как это здорово. Здорово это здорово, но сколько можно... Льва убили, и этого уже было достаточно, чтобы прекратить. Что это несравнимо с тем, что пишет Джой

Адамсон. О гепардах и львах, выращенных в неволе. Но в неволе какой: вот на границе национального парка вырастили и выпустили обратно в природу. Но там же своя среда. А это в квартире...

– Как в тюрьму попал.

– Ну, конечно, это тюрьма, но в которой тоже сложились свои законы. Хозяина они боялись, а умер хозяин, и они решили наводить свои порядки. И убили ребенка. И Василий Михайлович все это описывает. Труднейшая тема, и он взялся за неё. И вот дал такую очень важную картину, как урок. Замечательная статья.

2

Дроздов:

– Так что на меня произвело впечатление, так это умение Василия Михайловича поехать на корабль, пока не приплыли в Одессу. Потом этот «Урок». Он даже шутил: «Еду, как в Углич».

– Где убили царевича Дмитрия.

– «Еду, а так тяжело». Но надо поехать, потому что с животными связано, и надо расставить акценты по этому делу. Вот он и поехал и написал статью. И мы все с ним обсуждали, он рассказывал подробно всё. Вот. И третий – это целая эпопея многолетняя, которая и сейчас потихонечку завершается. Это «Таежный тупик». Это всё при нас было. Нашел он эту семью Лыковых: Карп Осипович, папаша, его дочь Агафья. Он к ним поехал, пообщался с ними, и так тактично,



Агафья и Карп Осипович Лыковы



так деликатно себя вел, что подружился по-настоящему. С Карпом Осиповичем и Агафьей. А они староверы. Ушли от людей когда-то. И он написал «Таежный тупик». Это не тупик, они забрались в самый-самый угол, где людей не было. Преследование староверов было, что говорить. Кто-то смирялся с этим, староверы продолжали жить, а этот Карп Осипович увел всю семью: жену, дочь и двух сыновей. Но Василий Михайлович, надо это уточнить, пришел туда, когда остались Карп Осипович и Агафья. А от жены и сыновей только могилки.

Я помнил, как эти очерки будоражили всю страну своей необычностью: писали о староверах.

Николай Дроздов:

– Они умерли уже. От чего они умерли? Жена, может быть, и была уже пожилая. А вот два сына. Ну, Василий Михайлович ничего об этом не говорит, книжечка целая вышла «Таежный тупик», но их открыли геологи. Стали туда ходить: ну, ребята, интересно. Давайте сгущёночки, мясца. Они: да мы староверы, не едим этого. Им: да ладно. И стали приобщать к европейским ценностям. И кормили чем-то, поили. И сыновей. Они, может, и подумывали: может, вернемся. Папаня затащил нас в тупик. Но Василий Михайлович описывает это деликатно, как тупик жизни. История одной семьи, ушедшей куда-то, оторвавшейся от социума. Тогда у них не будет следующей семьи. Сыновья не женились, дочь не вышла замуж. Внуков нет – и жизнь закончена. Это попытка уйти. С Богом они продолжали. Ничего, кроме Библии и Евангелия, не читали. Они сказали: вот у нас есть святая книга. Вот эту книгу они и знали. Ни радио, ни газет. Ничего не хотели. И Василий Михайлович попытался облегчить их жизнь. Они же ели только то, что могут в тайге найти. Это такой над собой эксперимент. И вот он описывает их жизнь. Агафья, например, говорит: «Мне сон приснился». А знаете, какой сон? Она ему рассказывает. Она



*Агафья с фонариком пишет письмо*

так с ним очень душевно, поверила ему, как старшему брату. Отцу. «Василий Михайлович, вот мне сон приснился. Такой. Я нашла шишку кедровую». Они кедровыми орехами питались, и их воображение ограничивается тем, что видят в лесу. «Кедровая шишка размеров с нашу избушку. А каждая семечка размером с котелок».

– Образ.

– Вот он образ. А дальше ничего и не идет-то: котелок, избушка, да кедровая шишка. И вот ей такой сон приснился. А вот чтобы помечтать, о чем мы мечтаем, не знает. Испугаться. Пролетают, жужжат самолеты, она даже не понимает, что это такое и куда летит. Вот жуть какая. И Василий Михайлович говорит: это тупик всего. Человеческой жизни, воспитанию. И он это все так тактично, не навязывал, а пытался облегчить жизнь. Козу привез, чтобы молоко у них было козье. Корову куда там, в лесу нечем питаться. Козла потом привез, у козы-то молоко не получается. Такие заботы. Фонарик. С ним удобно читать письма. Приходит письмо от Агафьи, и она пишет: Василий Михайлович, спасибо и за то, и за се, а вот фонарик не горит. Батарейки состарились.

Я рассмеялся.

Дроздов:

– Она даже не знает, что батарейки сели.

– Электричества нет.

– Я до этого не задумывался: куда они «сели», на стол, на стул. Садится батарейка, смешно, а мы не задумываемся, что смешно.



Она не знала этого слова, батарейки не работают, ну, состарились.

– Были бы молодые, светили.

– Пишет: «пришлите другие». Василий Михайлович бежит в магазин и посылает новые.

– Цивилизация!

– Потом он наблюдал, как Карпа Осиповича с Агафьей вместе пригласили на ближайшую геологическую стоянку. Вниз по речке они спустились, они зашли в комнату, а там телевизор. Карп Осипович сел смотреть телевизор с осуждением. Показывают народный хор из каких-то бабулек. Поют народные песни. И пляшут. Он смотрел-смотрел, потом гневно стукнул палкой по полу: «Молиться надо, старые дуры! А они пляшут». Бабкам молиться надо. И ушел, смотреть больше не стал. А Агафья даже боялась в комнату зайти, из-за двери выглядывала и смотрела на телевизор. А там бокс стали показывать. Мужики в одних трусах бьют друг друга по морде. Она с интересом смотрит из-за двери, причем спрячется, три раза перекрестится, и опять выглядывает, смотрит. Ну, такие сцены Василий Михайлович очень трогательно описывал. И вот он описал это в этой книге. А сначала были очерки. Это тоже своего рода урок мудрого человека о том, что нельзя отделяться от социума. И когда некоторые: Василий Михайлович приехал, половина семьи умерло. Но умерло до него. Он приехал туда, он не видел ни двух сыновей, ни жены Карпа Осиповича. Так что если и кого-то винить в преждевременной смерти жены, сыновей и дочери, то только этих геологов, которые там, конечно, приходили, наверняка, с бутылкой.

– А как же без этого!

– Может, и болезни. У них иммунитета не было, придут, обчихают, обкашляют. Ну, мы не будем винить геологов, но, по крайней мере, к Пескову никакого отношения их уход не имеет. «Таежный тупик» – это большая, тоже душевная работа, вернее труд. Слова «работа» я не люблю, оно от слова «раб». Труд душевный, большой. Говорят, научный труд, а это труд души написать о людях, ушедших от социума. Сугубо на религиозной основе отделиться, и бедные: тупик-то сами проживут, а что дальше. Бедную Агафью пожилую сейчас вернули в деревню. Как Карп Осипович умер, она одна

осталась. Так это тупиком и закончилось, конечно. Но Василий Михайлович приложил много усилий, чтобы им как-то скрасить жизнь, сделать хоть чуть-чуть более здоровой и комфортной. Но насчет книг – бесполезно, они, кроме Библии, ничего не читали. Молочко козьё пить, фонарик иметь. Ну, хоть что-нибудь своё. Всё это по-доброму, с душой и в то же время с сочувствием и сожалением о них написал эту книжку.

– Крупный Человек Василий Михайлович.

– Конечно. И за эти тринадцать лет интенсивного общения показали мне, что это добрейшей души человек и мудрый. Потому что каждую встречу с этими полярниками, пережившими зиму, вроде увлеченными животными Берберовыми, с семьей староверов Лыковых, это все уроки жизни, которые он разобрал и сделал серьезные выводы. Я счастлив, что имел с ним возможность общаться и вместе трудиться.

– Николай Николаевич, вот Вы идете с Василием Михайловичем, и сидит женщина и просит милостыню. Как реагировал Василий Михайлович?

– Обязательно что-нибудь подаст. Я тоже подаю почему? Я только не подаю, когда вижу: стоит мужик пьяница. Работать надо, что ты стоишь, качаешься. Тут уж понятно. Или там молодой... Если стоит инвалид, одетый в форму афганца, или что там военный? Небось, под трамвай попал. Да даже если под трамвай попал – это несчастье. Рук-ног нет. Да вы что, ребята, надо подать человеку. Ну, если просто несчастье, ну и что. Теперь будете мерить, как это произошло. Даже если случайно. А если он одел форму просто, чтобы лучше подавали, ну и слава Богу.

– У нас в Воронеже год назад часто стояли молодые женщины в черном. Подойдешь, спросишь, она: муж погиб в Донбассе. У нас же рядом и Донбасс, и Луганск. Таким подаешь сразу.

– Ну а в то же время: ой, она обманывает...

– И это бывает.

– Но если она обманывает, пусть грех на ее душе будет. А если не обманывает – тогда на моей душе будет.

– Василий Михайлович – боец?

– Я даже не знаю. Мне больше по душе доброта, а вот где он бился за что-то... Судя



по его статьям в газете, он каждый раз находил болевые точки в нашем обществе и об этом писал. Так что он и боец тоже.

– Жизнь ведь непростая штука, постоянно приходится что-то преодолевать. Что-нибудь ему пришлось по Вашим передачам преодолеть? Не с точки зрения трудности сбора материала, а, скажем, препонов начальников. Цензуры.

– Я понимаю. Вам хочется написать о его борьбе с властями, но понимаете, я не помню. У нас никакой там цензуры не было. В политической передаче, наверно, была какая-нибудь цензура, а мы о природе, о животных, никто нам не мешал, ни Лапин, ни его помощники, ни главный редактор, всегда: давайте, ребята, рассказывайте. И даже если мы о загрязнении чего-то рассказывали, Байкала, то все нормально.

– Простейшая ситуация. Вы у Василия Михайловича дома задержались. Ночью можно было у него остаться?

– Ну, не пробовал, но, наверно. Я бы советовал не придумывать. Я думаю, хорошо рассказал Вам о его участии в передаче «В мире животных». Он всегда делал «Крестьянский двор» с домашними животными. Любовь не только домашним любимцам, но и к домашним сельскохозяйственным животным.

– Я на днях был на юге Воронежской области в Петропавловке и там встретился с женой фотокора местной газеты Бровашова.

Василий Михайлович дружил с ним, так у меня на столе лежат такие фотографии Пескова – загляденье. Вы бывали в Петропавловке?

– Нет, не бывал.

– Василий Песков с высоты своей жизни выглядит таким, – я не мог подобрать слово.

– Он любил и природу и людей.

– Николай Николаевич, не ругайтесь на меня, пожалуйста. Можно я на выходные еще позвоню?

– На выходные я тоже очень занят, но по полчаса, ладно. Я Вам рассказал всё, что хотел рассказать.

И я все равно задал еще вопрос:

– А Вы были в Сухумском обезьяннике?

– Был.

– Какое поразительное место. Вы мне рассказали про стаю львов. А там стаи. Сидит главарь-обезьяна, и попробуй кто-нибудь не так повести.

– Сейчас-то я не знаю, работает он или нет.

– Работает. На горе. Там сотня клеток и в каждой – особь.

– Ну, уж если Вы так интересуетесь, то советовал Вам бы поехать в Адлер. Сам хозяин Сухумского питомника во время конфликта переехал в Россию.

– К нам?

– И организовал такой же питомник – часть его перевез, в городе Адлере. Если Вы приедете туда и подъедите к контрольно-пропускному

пункту на реке Псоу, прямо налево – вот Вы подъехали с нашей стороны, этот обезьяний питомник, который переехал. Не знаю, что там в Абхазии восстановили. Во время конфликта там вообще все было заброшено. Может, понаставили клеток, я даже не знаю, кто там руководит. А настоящий научный коллектив переехал сюда на этот берег реки Псоу, потому что в Абхазии ужас что творилось. И с ним академик Лапин.

– Буду знать...

– Научные исследования тут продолжаются. А в Сухуме, не знаю что. Причем, когда Лапин переезжал – было



Василий Песков и Александр Бровашов



предчувствие грозы – ему предложили на левом берегу Псоу, там место вроде получше, а он: «Давайте лучше на этом». И он потом говорил, что если бы согласился расположиться на левом берегу, его бы раздолбали начисто во время пика того конфликта. Живого бы места не осталось. Он сидел на этом берегу и говорил: «Свят, свят, свят...». Не будем вспоминать.

– Кстати, когда я с Вами встретился в издательстве «Вече», у меня там выходила книга «Сестра милосердия» о войне 1992 – 1993 годов.

– Хорошо...

– А Вы были в Орловском полесье?

– Нет...

– Но я знаю, что Вы любите Камчатку. Её не любить нельзя...

– А что Вы, горы от мыса Лопатка до города Корф и остров Верхотурова там есть. Близ Камчаточки. Там две тысячи моржей. Лежбище очень крупное.

И спохватился:

– Ладно, всё. Побежал.

– Большое спасибо, если можно, на выходные в это время позвоню.

– Конечно.

## Часть 5

### О родителях, учебе и съемках фильма «Рикки-Тикки-Тави»

#### 1

23 октября 2016 года при разговоре с Дроздовым я захотел уточнить:

– Николай Николаевич, Вы рассказали, как жили с мамой. А как её звали?

– Надежда Павловна.

– Она работала у академика Лукомского?

– Да.

– Лукомский, это тот, кто реанимировал Иосифа Сталина.

– Он был одним из лечащих врачей. На последнем периоде, когда тот стал плохо себя чувствовать. Но что пытался реанимировать, не знаю. Это откуда Вы взяли?

– Из воспоминаний Никиты Хрущева. Вызвали Лукомского, и он пытался привести его в чувства, тряс.

Я хотел спросить, принимала ли участие мама Николая Николаевича в попытке спасти вождя, но понял, что вряд ли.

И задал вопрос:

– А папу как Вашего звали?

– Николай Сергеевич.

– Написано, что он превосходно знал латынь, греческий, английский, немецкий и церковно-славянский языки.

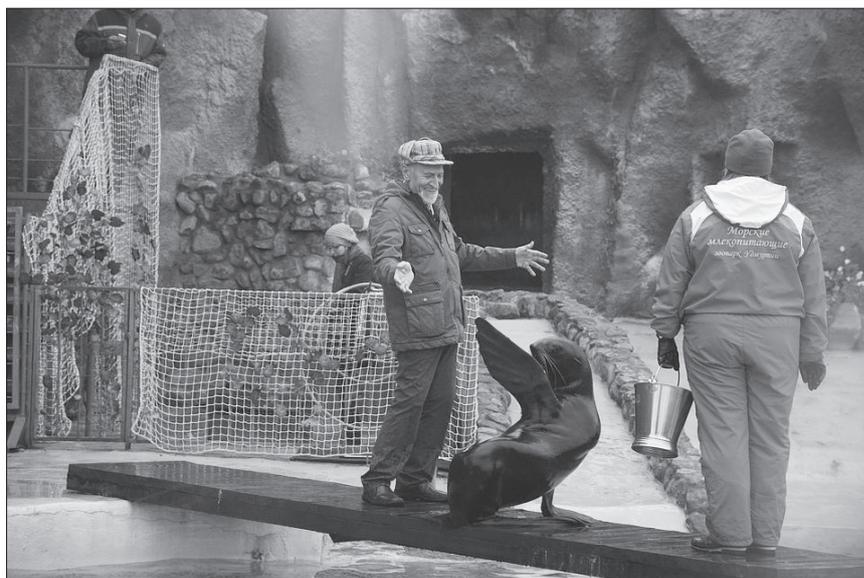
– Ну, церковно-славянский – это с детства. Дома учили.

– Для нынешнего времени как-то неожиданно, когда человек знает столько языков.

– Да нет, церковно-славянский же еще в школе учили. Он учился еще до революции. Тогда жил в Рязани. Дядя его Иван Иванович Дроздов был настоятелем храма Всех Скорбящих Радости, а отец – Сергей Иванович, учителем. А языки английский, немецкий – это потому что по науке надо было знать. Он в институте выучил. А церковно-славянский – в церковно-приходской школе. Родился он в 1902 году и до 15 лет учился в такой обычной школе, где церковно-славянский преподавали. И до 15 лет успел выучить, это несложно. Там же батюшка был, Закон Божий. Ленин учил Закон Божий и пятерку получил.

Я засмеялся, а потом спросил:

– А в каком году переехали из Рязани в Москву?



Николай Дроздов и морж



– Во время войны. Дело в том, что мы в Рязани еще были, когда война не началась.

– Великая Отечественная.

– Да.

– А мне рассказывали, что Рязань немцы бомбили страшно.

– Они с юга прорывались. Хотели обойти. На севере их остановили на Крюково, а на юге они под Рязанью застряли.

– И Вы в Рязани.

– Первые два года войны. 41-й, 42-ой. Мама там работала в военном госпитале, а отец лабораторию содержал по производству лекарств для фронта. Химик-фармацевт. А когда в 42-м году немцев от Москвы отпихнули, то его лаборатория перешла в институт коневодства, это к западу от Москвы. Ближе к фронту. В селе Успенском. При первом московском конном заводе. Там буденновских рысаков выращивали. И при нем был институт коневодства, а при институте коневодства эта лаборатория по производству лекарств, и она из-за Москвы выдвинулась перед Москвой. Перевезли туда. И мы туда все переехали. Село Успенское. Немцы же подошли к этому Успенскому. Но не взяли. Ну и как только их отшибли, лабораторию перевезли, чтобы безопасно было, поближе к фронту. И мы перебрались всей семьей. Я уже учился в Успенской школе.

– Это нынешний Одинцовский район.

– Да, да.

– У меня в Одинцово живет сын с семьей.

– Тогда еще не было Рублевского шоссе,

– Николай Николаевич сказал и рассмеялся: – Тогда ни одной дачи олигархов там не было.

– А какую Вы школу кончали?

– Потом в 51-м году мы получили квартиру в Москве, и наша семья переехала в Москву. А до этого я учился в сельской школе. А когда отцу за его заслуги дали квартиру, мы переехали в Москву. Двухкомнатную на четверых квартиру получили. По тем временам это было прекрасно. Отец, мать и двое сыновей. И я перешел в Московскую школу в 9-ый и 10-ый класс.

– А какой номер?

– Это школа номер 36 Фрунзенского района. Она располагалась в нынешнем Зачатьевском переулке. Зачатьевский монастырь был. Там была школа. Ну, школьное здание построили внутри монастыря. А теперь



**Зачатьевский монастырь**

там опять монастырь. Очень трогательно. Отдали монахиням его. Это недалеко от метро «Кропоткинская».

– Где Храм Христа Спасителя.

– А я привык, что это метро «Дворец Советов». Пытались построить Дворец Советов, такое гигантское здание типа Вавилонской башни. С фигурой Ленина наверху. Но не получилось. Храм-то снесли. Взорвали его, как Вы помните. Много показывали этот взрыв. Жуткое зрелище. А потом, когда на его месте пытались заложить фундамент, всё, чтобы не клали, все уходило под землю, и казалось, что все уходит под воду, под воду.

– Там потом был бассейн.

– Ну да, потом сделали бассейн «Москва». Я, правда, там ни разу не купался.

Я не стал рассказывать, как плавал в бассейне «Москва» каждую неделю, когда учился в военном училище.

Дроздов:

– Я помню, когда в школу ходили, то видели забор, в заборе были дырки многочисленные, а там огромный водоем получился, на уровне реки просто. И туда уходили глыбы, глыбы, бетонные блоки. Совали, совали, всё уходило, уходило, ничего нельзя было там построить. А когда снова храм стали строить, все стоит нормально.

– Да, Храм Христа Спасителя стоит. Сколько раз бывал в нем внутри, никаких даже подтеков от воды не видел.

– Вот она Божья воля...

– Николай Николаевич, вот Вы 36-ю школу кончаете, а почему на географический



факультет пошли. Обычно знаете, стремятся в юристы, экономисты, на иностранные языки.

– В то время такого не было, это теперь. Тогда хотели в физики. Физиков было очень много. Нильс Бор, открытия в атомной физике. И биология, конечно. Я на биофак поступал. Потом перешел на географический, поскольку там образовалась кафедра биогеографии.

– Насколько помню, географический факультет в главном здании МГУ, 17-ый этаж (я часто бывал на мехмате, который тоже располагался в главном здании).

– А мы учились в отдельном корпусе. А с третьего курса перешел на географический в главное здание. Сейчас там работаю. Это мое постоянное место – одна и та же кафедра. Её заканчивал, потом аспирантуру, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, доцент, профессор. Так же, как и у Василия Михайловича. Чем бы он ни занимался, какие бы передачи ни вел, но собкор «Комсомольской правды». А я – профессор географического факультета кафедры биогеографии.

– Я из Вашего корпуса знал разве что декана мехмата, члена-корреспондента Академии наук Лупанова Олега Борисовича.

– Ну, конечно.

– И знаете, я с ним математикой занимался, и он говорил: Миша, мне звони вечером. Он работал до 4 ночи. Вот, труженик!

– Что ж, правильно.

– Николай Николаевич, так Вы на биофак, а не уходили с факультета? Пишут, что ушли и работали.

– Было дело. Ну а что тут рассказывать. Да, было дело, уходил, работал, но это наше семейное.

– Это кстати, когда человек ищет свой путь. У меня самого три высших образования, искал себя. Меня метало по жизни очень сильно. Первое математическое, второе юридическое, третье сценарный факультет ВГИКа.

– Интересно. Я еще в педагогическом институте учился, переходил. Там мой учитель был любимый, я ради него переходил. Три года учился в педагогическом институте. Профессор Банников Андрей Григорьевич. Он вице-президент международного союза охраны природы.

– Это Вы из МГУ переходили в пединститут или наоборот?

– Из МГУ в пед и из пед обратно в МГУ. Сначала шел работать, с работы шел в пед. С пед пошел обратно в географический.

– Это доказательство того, что человек ищет и идет к цели.

Теперь я перешел к другой уже затронутой теме.

– Николай Николаевич, Вы рассказывали, как при съемках фильма «Рикки-Тикки-Тави» следили за коброй, чтобы мальчика не укусила.

– Я лежал рядом, за кадром.

– А там не видно Вас.

– Что ж это за съемки, если видно. Я лежал за кадром, чтобы броситься, если вдруг она на него поползет.

– Так она же голову подняла, чтобы нанести удар.

– А она в такой позе не ползает. Не движется.

– А в такой позе не бьет?

– Она бьет с этого места, да. Но там было такое расстояние, что она не смогла бы достать.

– Вы знаете, фильм смотришь, а страшно.

– Да-да. Но снимали сзади, не так чтобы она вплотную. А там расстояние точно рассчитано, что если она в этот момент бросит голову вперед, то не достанет до ноги.

Мальчик сидел в кресле.

Дроздов:

– А если она захочет поближе подползти, то я за хвост оттащу.



Дроздов со змеей



– Всё равно... А схватка мангуста с коброй, – вспомнил я другие сцены из фильма. – Это подлинник?

– Ну да, подлинник. Но это же не одна схватка. Было шесть мангустов и семь кобр. И там остались в живых два мангуста, а кобр всех передушили. Во время схваток. Но они все похожи друг на друга и получается, как бы один главный герой.

– Николай Николаевич, Вы рассказывали Василию Михайловичу, что Вы год в Австралии в пустыне жили?

– Ну, это его как-то мало интересовало, – сказал и рассмеялся. – Он настолько любил Россию, потом он пару раз в Африку съездил без особого энтузиазма.

– А как это Вы жили в пустыне?

– Ну ладно, побегу.

Понятно стало, что Николай Николаевич снова куда-то спешил.

– Можно в следующее воскресенье позвоню?

– Звоните.

– Родному МГУ привет.

– Спасибо...

## Часть 6

О причине ухода Василия Михайловича из программы «В мире животных», зарплате, познании Вселенной, горе мелиораторов и прочем

### 1

30 октября 2016 года я позвонил Николаю Николаевичу в 8 утра, но трубку некоторое время не брали, и я положил её. Позвонил в 9 утра. Трубку взял Николай Николаевич.

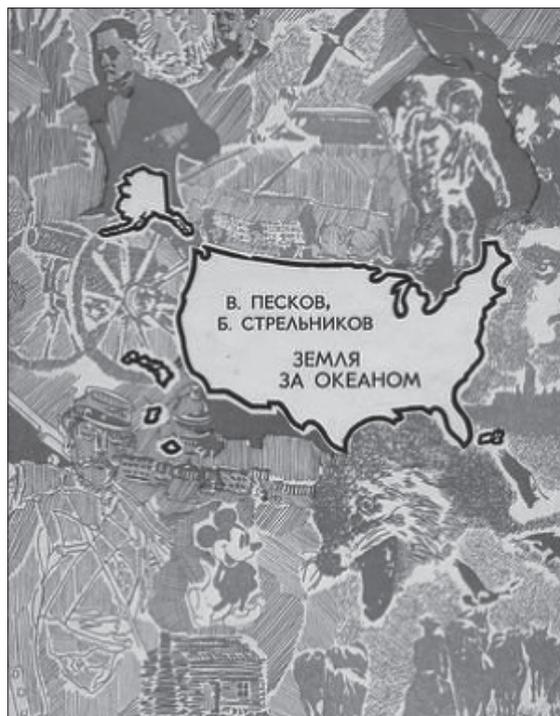
– Алё!

– Николай Николаевич, ради Бога извините, Вы мне разрешили звонить. Но я в 8 утра набрал... Я о Пескове...

– Ничего страшного...

– Я хотел еще спросить: как Василий Михайлович мотивировал свой уход из передачи «В мире животных»?

– Он уехал писать книгу в длительную экспедицию в Северную Америку. У него была какая-то книга, я, право, всех книг его не имею, потому что не мог собрать. Поехал на Камчатку, Чукотку...



Книга Пескова и Стрельникова  
«Земля за океаном»

– У него в 1994 году вышла книга «Аляска больше, чем Вы думаете».

– И у него не хватило терпению, и он подался туда. Ведь он до того с корреспондентом Стрельниковым проехал всю Америку. Еще книга вышла «Земля за океаном».

– Они в 1972 году пересекли Америку...

– С запада на восток. С журналистом-американцем Стрельниковым. Он знал всю Америку и мог показывать. В соавторстве. По-моему, Стрельников. И машину вёл этот парень, тоже из журналистов. В «Комсомолке» работал. Аккредитованный там и знающий всё.

– Да, звали его Борис Георгиевич...

– А вот когда он писал об Аляске, там дороги длинные. Он рассказывал: приехали на Чукотку, там бочки валяются, железо. И честно признался: нам еще надо за чистоту бороться. И народа там не густо... А на Аляске следят за чистотой.

– А участие в передаче Пескову оплачивалось?

– Ну, наверно. Я как-то этим никогда не интересовался, но, конечно, платили. Зарплаты нормальные были, как и сейчас платят. В пределах наших обычных зарплат. Ну, вот у меня профессорская зарплата в университете и там, они все такие зарплаты сейчас небольшие,



но как-то он никогда не говорил, не жаловался, ни у кого ничего не спрашивал. Платят, сколько могут. Было понятно, что наша передача не является коммерческой, так что это никогда не интересовало ни меня, ни его. Интересно было работать, вот и всё. А наша передача не рекламоякая. Просто внутри передачи там четыре минуты идет реклама канала. Ведь дает медийный канал, а не мы. Но нам канал что-то платит за передачу. Но оплата скромная, потому что мы не даем большого дохода.

– У телевизионщиков, в общем, скромная зарплата.

– Ну что Вы так. Есть передачи, в которых идет реклама товаров прямая. Там: «Подать в студию!» Что забыли?

– Ну да.

– Так вот, когда «Подать в студию!» несут рекламодатели свои товары. Машины. Подарки. Банки-манки. И когда несут, то платят очень большие деньги. Рекламодатели. Но у нас такого никого нет, – засмеялся Дроздов. – Мы никогда ничего не рекламировали, сама передача. Даже мой коллега и ученик Затевахин ведёт передачу «Диалоги о животных», он договорился с фирмой, которая выпускает корма животных, и он каждый раз показывает корма очередные. И естественно, они ему доплачивают напрямую.

– Современный подход.

– А у нас никогда никакой рекламы не было. У нас принцип был. Ни Песков, ни я не соглашались на такое.

Я понимал: рекламой могли протаскивать и то, что было не нужно, а может, и вредно.

– Николай Николаевич, вот мы говорим, для Василия Михайловича главное Россия, но ведь он очень много стран объездил.

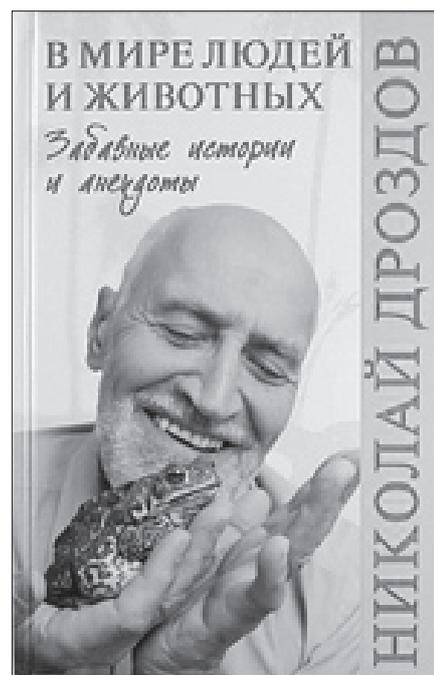
– Конечно.

– Он от этого отталкивался, чтобы изучать Россию?

– Ну, это же он стал ездить во второй половине жизни. И в первую очередь увидеть саму Америку, чтобы увидеть и показать, наши преимущества коренные и какие-то их поверхностные преимущества. Там экономика, фигня всякая...

«Точно, фигня! Хотя, не скажи».

Но я понимал Николая Николаевича, который всегда искал в жизни гармонию человека с природой, отсюда и строил свое отношение ко всему другому.



Книга Дроздова  
«В мире людей и животных»

Дроздов:

– А, конечно, для него важнее всего Отечество. Россия – есть Россия, а Отечество. Его главные книги «Отечество» и «Шаги по росе».

– А что главнее, природа для человека или человек для природы?

– Ну, он прежде всего считал, что главное гармония. И природа в виде домашних животных, в виде сельскохозяйственных культур, это тоже природа – это для человека. Ясно, что для домашних животных нет места обитания. Домашние животные – есть домашние. Их выращивают, на них ездят, их доят, их, в конце концов, едят. Нормальное использование человеком домашних животных. К ним надо по-человечески относиться, конечно, не мучить. Но когда приходит пора их скушать, тут уж ничего не поделаешь, надо скушать. Крестьянский двор – это же естественно.

– Николай Николаевич, а Вы в Воронежском заповеднике были?

– Нет.

– А в Петропавловке, это юг Воронежской области. Там пустыня около Дона. Мне говорили, что Вы высказывали интерес к ней.

– Нет, не был. Я пустыни люблю и в них много работал. Я специалист по пустыням.



– А в Новохоперском заповеднике?  
– Нет. У нас всегда было, куда ездит Василий Михайлович, я туда даже не вмешивался.

«Жаль».

Дроздов:

– Он ездил в Эстонию, а я ездил в Латвию.  
– Извините, за лобовой вопрос: человек произошел от обезьяны или нет?

– Это примитивно. Такая формулировка сразу принижает человека, что он произошел от шимпанзе или гориллы. Ну что Вы! Прошел, конечно, длительный, эволюционный путь. Найдены все этапы эволюции человека. Эволюция, конечно, очень длительная. Миллионы лет предки человека жили на земле. Постепенно формировались. Нужно просто понимать, что наука говорит об этом, а вера говорит о божественном. И я думаю, что душа вложена в человека, может, и Богом, но она сразу отличает его от всех животных. А когда это происходило, это другой вопрос. Никто же из священников не будет отрицать, что Земля – маленькая планета в солнечной системе, круглая, в виде шара, вращается в безвоздушном пространстве, мы же не будем соглашаться, что в Библии сказано, что земля плоская и сверху небесная твердь и звезды прикреплены. Ну, зачем это? Серьезно думать, что священники такие и этого не понимают... Тут другие вопросы. Современная наука говорит, что вселенная была СОЗДАНА, она ВОЗНИКЛА пятнадцать миллиардов лет тому назад. Физики высчитали. В результате первичного взрыва. Слышали это?

Я промолчал.

Дроздов:

– До этого не было ничего. Пустое пространство. Как говорит теория первичного взрыва, наша вселенная возникла пятнадцать миллиардов лет назад в одной точке в предыдущей вселенной, в которой не было ни пространства, ни времени. А если не было ни пространства, ни времени, откуда взялась эта точка.

– В этой теории заумность какая-то.

– Нет, это не заумность, а все рассчитано физиками. А другое дело, что в этом случае... Мы, например, когда учились, нам говорили, что вселенная вечная и бесконечная. А раз она вечная и бесконечная, значит, её никто и не создавал, а была, есть и будет. А сейчас нам

говорят, что вселенная была создана пятнадцать миллиардов лет назад. И это подсчитано. Научно подсчитано. И что, она возможно когда-то... Сейчас она разлетается, Галактика, а потом, может, они наоборот полетят... То есть, идет какой-то процесс. Но если не было никого, а потом все это возникло, то вправе спросить: а кто это сделал? Ведь кто-то должен решить, что в одной точке вселенной, где не было ничего, собрать энергию такого объема, чтобы из неё вышла целая вселенная. Это то ж... Теперь скорее можно доказать существование Бога, исходя из этого. Конечно, без решения какого-то высшего разума это происходить не могло. Нельзя веру проверять знаниями. Как сказано, нельзя гармонию поверять алгеброй. Вы же не можете музыку разложить на математические формулы.

– Не разложишь... Я когда-то сам искал формулу жизни. Математическую. Которой описать процессы в жизни. У Лупанова (я упоминал его раньше) ведь оценки математические. И спрашивал его: можно ли такую формулу вывести. Он: вот пока никак... Ведь тогда задашь данные, и получишь ответ, где ты и что ты в определенный момент жизни... Но природу не заменишь математикой, даже для жизни какого-то муравья.

– Да, вот тут и божественность. Но это не значит, что Вы приходите в церковь и должны пропагандировать науку. Это нехорошо. Не то место. Патриарх Кирилл не будет же рассказывать, что земля круглая, нужно молиться. У нас половина мозга интеллектуальная, а половина – эмоциональная. Вера – это эмоции, а наука – это знания. Но мозг, конечно, выше, чем любые знания. Вера – выше науки.

– Но от этого становится тоскливо: хотелось бы познать...

– Это свойственно молодежи... Не стоит на такое замахиваться... Это же грех. Оценивать непознаваемое. Это же по молодости хочется все познать. Но спасибо, что Всевышний нам открыл кое-что. Свои тайны. Ну, каким-то поколениям открыл еще что-то. А мы должны радоваться, что узнали кое-что.

– Так что жизнь с ее формулами математике не по зубам!

– А что если разложишь, будут мертвые соображения. Из-за того, что это выше, а это





*Патриарх Кирилл в Антарктиде*

ниже. Почему Ленин о сонате «Аппассионата» говорил: «Потрясающая. Нечеловеческая музыка». Вот надо было спросить у Владимира Ильича: Что значит нечеловеческая? Это какая же тогда? Божественная. Ну, понятно. То, что земля круглая, думаю, никто не сомневается. И наш Патриарх съездил в Антарктиду, если помните.

– Да, он как Песков, путешественник.

2

Я хотел узнать у Дроздова, с кем можно еще пообщаться и узнать о Пескове.

– Вот прочитал, что Песков знал Спицына Владимира Владимировича. Правда это?

– Да, это директор нашего зоопарка.

– Чилингаров Артур Николаевич знал Василия Михайловича? Я его на прощании с Песковым видел.

– Ну, конечно. Но он эгоцентричный, только о себе, о себе...

И добавил:

– А я не смог проститься...

– Я часа полтора рядом с телом стоял. Шли и чины, и простые. Плакали. Дружба видно была...

– Я в больнице был. Дал интервью для какого-то канала,

сидя на кровати. Я сидел, а в палате было холодно. Это было какое число?

– Он ушел из жизни 12 августа 2013 года, а прощались 15 августа...

– Я после операции, сижу, на костыли опираюсь. На ногу операция. И надел кепку, потому что холодно в комнате. Но не топили еще. И я сижу в пестрой кепке, подаренной мне Песковым. Всегда брал с собой. Зимой – в черной кепке, демисезонной. Сижу в кепке, даю интервью, а когда меня показали, сняли в этом одеянии. Показывают Пескова в кепке там, там, там при жизни, и вдруг, меня

– я в такой же кепке. Но кто-то из моих знакомых сказал, что он дарил всем кепку, чтобы носили. Но чтобы давал интервью из больницы в этой кепке, это очень трогательно. Ну, у него мощная ушанка на зиму, а вот кепка – он купил их чуть ли не тридцать или даже пятьдесят. И раздаривал друзьям. А я ее очень люблю и до сих пор ношу.

– Не только Вы... Я на других тоже видел...

– Оставил след даже материальный, не только душевный...

– А нельзя ли попросить у Вас координаты Спицына или Чилингарова?

– Ну, Чилингаров это такой высокий чин. А Спицына где-то есть.



*Прощание с Песковым*



Поискав блокнот, Дроздов продиктовал мне несколько телефонов.

– Это дирекция зоопарка. А там спросите Спицына.

– Николай Николаевич, на прощании я еще познакомился с Галушиным Владимиром Михайловичем. Он мне дал номер сотового телефона, но тот что-то не отвечает.

– Да-да, Владимир Михайлович. А он порой его не включает. Я сейчас посмотрю. Это мой хороший друг. Один из главных выступающих.

Я записал два номера сотового телефона Галушина: его и жены.

– А как бы фотографию Вас и Пескова получить?

– Могу перебросить на электронную почту.

– Хорошо, пишите.

– Сейчас найду бумажку... Тут нет. Пойдем дальше. Вот нашел... Пишу.

Я продиктовал адрес электронной почты.

И спросил:

– А Вы лекции сейчас читаете студентам? Хотел прийти.

– Нет, уже не читаю. Я консультант. Галушин, как раз у нас на кафедре читает лекции. В двух институтах читает. У нас в МГУ и педуниверситете. Это я его лично упросил почитать у нас. У меня же не хватает времени на лекции. А он с таким удовольствием там почитает, едет к нам читать лекцию. Неугомонный парень. Приятно видеть таких. Я ему всегда говорю, что он моложе меня, хотя на самом деле старше меня на пять лет. Моложе по задору, по энергии, по желанию работать, читать лекции. Я начал лекции читать в 1963 году, а когда исполнилось 50 лет в 2013 году, я упросил Садовничьего Виктора Антоновича освободить меня от чтения лекций. А профессор-консультант – это должность почетная. Обычно профессор должен начитать определенное число часов. А тут я ничего не читаю, но заседание кафедры, ученый совет, рецензии, защита диссертаций, но без лекционных часов. Дело в том, что много ездить в командировки по общественным делам приходится. Там, Общественная палата. То, сё. Поэтому мне не до лекций сейчас...

– Вы знаете, а я поразился, когда директор военного музея сказал в Доме журналиста, что у него с Николаем Николаевичем есть свои проекты...



*Профессор Николай Дроздов*

– Да-да... 2 ноября в Военно-историческом музее будет ассамблея народов России. На Поклонной горе, нам большой зал выделили...

– Насколько знаю, юбилей кафедры приближается...

– Да, 9 декабря...

И:

– Я вот слышал, как в Доме журналиста Вы пели. И правильно Вы сказали, что нужно слышать слова. В Интернете стоит интересная песня: «Берегите природу». Это ваша песня?

Напомнил первую строку из песни:

«Так в России повелось, что мужики  
Очень любят отдыхать у реки  
Взять подружек, песни петь да плясать  
Шашлыков... пожарить, погулять.  
И компания шумит до утра (до утра)  
А на память только мусора гора  
Нет, чтоб взять да и с собою все забрать  
Нет, не любим мы природу, нашу мать.

Припев:

И хочу я, россияне, вам сказать  
Берегите ж вы природу, вашу мать.  
А не то она возьмет нас за кадык,  
И человечеству наступит, блин, кирдык.

А едет черный шестисотый по Тверской  
Пассажир культурный с виду такой  
Пачку из-под сигарет просто так  
Прям на улицу бросает чудак.



А другой машину моет у пруда,  
И вся грязь течет конечно туда.  
Удивленные сидят рыбаки:  
Ну почему же не клюют поплавки...»

Дроздов:

– Нет, это песня Демидыча. Это мой друг.  
Сам сочиняет песни. Я с ним вместе только спел.

– Хорошо спели...

Я рассказал о том, как боролся с  
крушителями природы Гавриил Троепольский,  
с теми же мелиораторами, которые спрямляли  
речки и уничтожали поймы, природу, живность,  
птиц.

На что Дроздов:

– Спрямять реки! Чушь какая-то...

– Ему ставили в вину: вот, вы пишете  
про плохих мелиораторов, а в той же Африке  
прочитают и откажутся от помощи советских  
мелиораторов, нашей помощи предпочтут  
американскую. Вот как брали!

Дроздов удивлялся:

– Жуть...

– Было заседание облисполкома по  
этому вопросу в Воронеже. Так Гавриилу  
Николаевичу слова не дали сказать! И только

когда его поддержал Твардовский, тогда дело  
сдвинулось... Троепольский оказался прав. А у  
нас же сколько речек так уничтожили. Спрямили  
и точка. А вода ведь течет по пойме, изгибается,  
в траве держится, затоны, а тут прорубили новое  
русло, и она сошла.... А Дон? Я в Воронеж  
приехал в 1976 году, суда ходили до Ельца. Это  
выше Воронежа на сто километров! А теперь и  
Дон убили. Суда до Лисок не доходят. Это ниже  
Воронежа на сто километров.

Я боялся задерживать Дроздова и  
поблагодарил:

– Спасибо Вам, Николай Николаевич за  
беседу...

На что услышал:

– Вам спасибо...

Слова Николая Дроздова ко многому  
обязывали.

– Николай Николаевич, а можно еще  
позвонить?

– Звоните...

Так закончился разговор с Дроздовым  
Николаем Николаевичем. Но я чувствовал, что  
это не последнее с ним общение, что Дроздов  
еще хотел что-то рассказать, а я – расспросить.

30 октября 2016 года

